ISSN 0869—4788

февраль

Юность

2·92

Исполнительница русских народных песен Татьяна Петрова

Фото Корченкина Г. Н.

Югра
№ 2, февраль 1992.

Историко-культурный журнал. Учредители — администрация Ханты-Мансийского автономного округа и нефтяная акционерная компания «Аки-Отыр».

Издается
с сентября 1991 г.

Выходит один раз в месяц

Редакционная коллегия:

В. К. Белобородов
(Редактор)

Л. В. Лущай
Т. А. Молданова

Технический редактор
Н. Б. Баталова.

Адрес редакции: 626200, г. Ханты-Мансийск, ул. К. Маркса, 14.

Телефон редакции 4-12-25.

Сдано в набор 29.01.92. Подписано в печать 27.02.92. Формат 60x84 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,74. Уч. изд. л. 4,48. Тираж 6000. Заказ № 703. Цена 2 р. 50 к.

Отпечатано в Шадринской типографии п/о «Исеть» управления печати и массовой информации администрации Курганской области. 641800. г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

В номере:

К духовному согласию 2
Программа ассоциации «Мир через культуру» 3
Е. Гусаков. Импрессарио 7
Г. Костина. Заботы архивистов . 10
А. Кондрюкова. «Очрашулар» — это встреча с домом 11
А. Горустович. Возродимся ли из пепла? 13
«Он был, он чувствовал — он жил» (окончание) 15
«Прочитал ваш журнал...» 21
М. Зябин, Ю. Петрачук. Прерванный полет 22
В. Рыткин. Ловись, рыбка . . . 29
К. Носилов. Вогульская школа . . 32
Е. Кузакова. Евра 36
Н. Патрикеев. Первая олимпиада манси 40
Н. Гарин-Михайловский. Письма изыскателя 41
О. Кошманова. Митя-Лямчик . . 44
Издание которого ждали 47
В автономных округах России . . . 47
Т. Молданова. Узор «Соболь» . . 48
А. Коломейцев. Зимовье для картофеля 50
Г. Бардин. Открытие СП-31 и спасение китов 53
В. Назаров. Владыки... на помойке 62

К ДУХОВНОМУ СОГЛАСИЮ

Мир — у последней черты. Мы уже понимаем, что оказались (или вот-вот окажемся) в эпицентре глобальных разрушительных кризисов: экономического, социального, экологического. Но, увы, мы до сих пор не понимаем подчас самого главного, что все эти кризисы лишь следствие одного и того же процесса, а именно — духовно-нравственного паралича, поразившего все человечество. Корень зла, причина всех причин уродливых явлений жизни — здесь, в сфере духа. Но если это так, то именно отсюда мы и должны начинать свой поиск выхода из тупика, в котором очутились. И начинать с осмысления того простого факта, что выход из заколдованного круга противоречий, в который мы сами себя волею своею и загнали, лежит в пределах наших возможностей. Никаких особых героических усилий не требуется. Требуется лишь элементарное благоразумие. И прежде всего — движение к духовному согласию. Три главных принципа, на наш взгляд, должны лечь в основу этого движения.

1. БЕЗУСЛОВНЫЙ ПРИОРИТЕТ ДУХОВНОСТИ НАД ПОЛИТИКОЙ.

Следует осознать наконец, что экономические и политические рецепты оздоровления ситуации, какими бы обнадеживающими они ни представлялись, не могут уже спасти положение дел. С ними запоздали. Единственный вариант, оставшийся нам, — революция в сознании людей, трансформация нашего сознания в космическое. Как ни странно, но эта задача является неотложной именно сейчас, когда массами людей овладел безумный дух разъединения и конфронтации, порожденный в большинстве случаев тяжелыми вибрациями прошлого. Но именно сейчас нужно смотреть вперед, а не назад. Но именно сейчас человеку необходимо усвоить мысль, что он не только житель данного региона, не только житель данной страны, не только житель Земли, наконец, но житель Космоса! Прежде всего он житель Космоса. Если сумеем поднять свое мышление на космическую отметку, если научимся подходить к происходящему с точки зрения своей индивидуальной космической ответственности, то у современной цивилизации появится шанс на спасение.

II. ТЕРПИМОСТЬ, НО НЕ ПАССИВНАЯ, ПЛЕТУЩАЯСЯ В ХВОСТЕ СОБЫТИЙ, А ТЕРПИМОСТЬ АКТИВНАЯ, УПРЕЖДАЮЩАЯ СОБЫТИЯ, КОГДА ЛЮДИ НАСТОЙЧИВО ИЩУТ НЕ ТО, ЧТО ИХ РАЗЪЕДИНЯЕТ, А ТО, ЧТО ИХ ОБЪЕДИНЯЕТ.

Взаимный же поиск объединяющего позитивного начала неизбежно ведет к тому, что разъединяющие моменты блекнут и отступают в тень и лишенные притока нашей энергии могут со временем навсегда увянуть или погаснуть.

Последовательное проведение этого принципа в жизнь означает тесное единение людей, не являющихся сторонниками крайних взглядов, неумолимо ведущих к конфронтации, а также содействие диалогу и взаимопониманию между людьми противоположных убеждений; контакты между ними могли бы начаться, например, на базе очень простого лозунга: «Допусти заранее возможность того, что в чем-то — пусть в самом малом — твой оппонент прав, а ты в чем-то — пусть в самом малом — не прав».

III. КОМПРОМИСС КАК НРАВСТВЕННЫЙ ОРИЕНТИР СОВРЕМЕННОСТИ.

Мы разделяем мысль Махатмы Ганди о красоте компромисса. На наш взгляд, уже само необычайное сочетание понятий «красота» и «компромисс» дает новый ключ к решению старых проблем. Не чувство уныния должен рождать компромисс: дескать, вынужден был уступить под напором обстоятельств. Наоборот, компромисс должен рождать чувство радости: наконец-то нашли точки соприкосновения друг с другом!

Общеизвестно знаменитое изречение Достоевского: «Красота спасет мир». Применительно к нынешней ситуации, слегка дополняя Достоевского, мы можем сказать: «Красота компромисса спасет мир!»

Мы призываем общественные, государственные, международные организации, мы призываем всех людей планеты поддержать движение духовного согласия. Мы призываем приложить все силы, чтобы уже в ближайшее время состоялся первый конгресс сторонников движения духовного согласия.

Язык ультиматумов, на котором пытаются говорить — к сожалению, иногда даже те, кто заявляет о своей приверженности религиозным и общечеловеческим идеалам, — безнадежно устарел. В современном мире, начиненном ядерными боеголовками, перенасыщенном экологически опасными предприятиями, не может быть победителей и побежденных. Или все мы будем победителями, или все мы будем побежденными. Логичней и целесообразней бороться за то, чтобы все мы стали победителями. А победителями мы можем стать лишь на путях общечеловеческого духовного согласия. Иных путей спасения не существует.

Принято на конференции актива международной ассоциации «Мир через культуру».

ПРОГРАММА ВСЕСОЮЗНОЙ АССОЦИАЦИИ «МИР ЧЕРЕЗ КУЛЬТУРУ»

I

Лозунг «Мир через Культуру» принадлежит великому художнику, философу и гуманисту XX века Николаю Константиновичу Рериху. Этот лозунг, взывающий к лучшим чувствам человека, появился в промежутке между первой и второй мировой войной. Он обрел многочисленных сторонников. В его поддержку выступили такие писатели, как Рабиндранат Тагор и Ромен Роллан, Бернард Шоу и Герберт Уэллс, такие ученые, как Альберт Эйнштейн и Роберт Малликен, такие государственные деятели, как президент США Франклин Рузвельт и король Югославии Александр. Практическое воплощение лозунг получил в Пакте Рериха, подписанном в Вашингтоне в 1935 году, и Гаагской Международной Конвенции 1954 года.

Правда чеканные юридические формулировки этих документов не в полной мере отражали основную идею Рериха. Во-первых, Пакт и Конвенция ограничивали действие статей лишь зоной военных столкновений. А для Рериха проблема выглядела совершенно по-иному. Он писал: «Для нас Знамя Мира является вовсе не только нужным во время войны, но, может быть, еще более нужным каждодневно, когда без грома пушек часто совершаются такие же непоправимые ошибки против культуры».

Во-вторых, международными договорами предусматривались лишь чисто оборонительные мероприятия в области культуры. Это, разумеется, хорошо, но этого, разумеется, мало. Ибо, как говорил Рерих, «одни защитные действия без наступательных ведут к поражению». Потому он и мечтал о «Крестовом Походе» во имя отстаивания культуры и культурных ценностей, этого «незаменимого и основного достояния человечества». А Елена Ивановна Рерих, жена и соратник художника, заявляла:

«Истинно, культура нуждается не только в охране, но необходимо уметь сражаться за культуру. Тогда только человечество начнет выходить из одичалого состояния. Пора становиться человечными в полном значении этого великого понятия».

II

С высоты наших дней отчетливо видно, что Рерих с его призывом «Мир через Культуру» и его идеей Пакта о защите культурных ценностей был первой ласточкой народной дипломатии, той дипломатии, которая сегодня выросла в могучую общественную силу. Воскрешая к новой жизни девиз Рериха «Мир через Культуру», мы отдаем себе отчет в том, что современная ситуация столь же (если не более) грозная, чем во времена столкновения с темным воинством фашизма. Третья мировая война, которую мы так хотели бы предотвратить, в сущности уже началась.

Если же мы не замечаем, что находимся в эпицентре страшного бедствия,

то это потому, что третья мировая война коренным образом отличается от первых двух. Предыдущие, хотя и считались мировыми, не охватывали всей земли, а лишь определенные участки ее. Да и противник был тогда зрим: он находился по другую сторону окопов. В нынешней же войне противник, как правило, незрим. И действительно, кого мы должны считать противником, когда сами же своими руками роем пропасть под собственным домом!

С одной стороны, мы хотим вкушать чистые плоды земли, а с другой — губим ту же землю химикатами. С одной стороны, мы хотим дышать чистым воздухом и пить чистую воду, а с другой — наращиваем темпы индустриального производства, отравляя окружающее нас пространство. Наконец, мы хотим жить и, естественно, хотим, чтобы жили дети и внуки наши, а сами, невзирая на предупреждения апокалипсического характера — Чернобыль, землетрясение в Армении, когда лишь по чистой случайности Закавказье не превратилось в ядерный ад, — с самоубийственным азартом продолжаем строить АЭС в густонаселенных районах.

Как будто кто-то нас заколдовал. Как будто кто-то нас загипнотизировал. Как будто именно к нам и обращена вещая строка великого поэта: «Ужасный сон отяготел над нами».

Но если это так, то наше спасение — в немедленном пробуждении. Мы должны, наконец, очнуться от нравственной спячки и духовной летаргии. Мы должны с предельной ясностью осознать, что наши глобальные кризисы — экономический, социальный, экологический — лишь следствия одного и того же процесса, а именно: кризиса духовно-нравственного, охватившего все человечество. Мы должны также с предельной ясностью осознать, что в третьей мировой войне, не похожей ни на какую другую, или все мы будем побежденными, или все мы будем победителями.

III

Призыв «Мир через Культуру», прозвучавший в свое время с гималайских вершин, был ориентирован главным образом на будущее, то есть на нашу современность. В емкой формуле «Мир через Культуру» сконцентрирована целая программа действий. Что означает для нас этот лозунг, этот призыв, этот девиз!

Прежде всего он означает утверждение идеалов мира через развитие культуры на всех уровнях нашей жизни — от межгосударственных до каждодневных и бытовых.

Он означает, что основным принципом в общении между людьми для нас становится — или должна становиться — терпимость. Причем терпимость не пассивная, а активная, когда люди настойчиво ищут не то, что их разъединяет, а то, что их объединяет. Взаимный же поиск соединяющего позитивного начала неизбежно ведет к тому, что разъединяющие моменты блекнут и отступают в тень и, лишенные притока нашей энергии, могут со временем навсегда увянуть или погаснуть.

Лозунг «Мир через Культуру» означает, что нами берется на вооружение мысль Махатмы Ганди о красоте компромиссов, где уже само необычайное сочетание понятий «красота» и «компромисс» дает новый ключ к решению старых проблем. Не чувство уныния должен рождать компромисс: дескать, вынужден был уступить под напором обстоятельств. Наоборот, компромисс должен рождать чувство радости: наконец-то нашли точки соприкосновения друг с другом!

Говоря иными словами, реализация лозунга «Мир через Культуру» может стать, на наш взгляд, реальной практической основой для гармонизации отношений между людьми.

IV

Но лозунг «Мир через Культуру» несет с собой не только гармонизацию отношений между людьми. Гармонизацию отношений с природой — тоже.

Мы стоим перед экологической катастрофой. Чтобы предотвратить ее требуются меры безотлагательные и чрезвычайные. Страшиться их не следует, потому что они просты и лежат в пределах наших возможностей. Их можно назвать мерами благоразумия, и они, если не опоздаем с ними, могут способствовать не только оздоровлению приро-

ды, но и нравственному очищению людей. Какие же это меры!

Первое. Прекратить варварское расточительство энергии. Ведь чуть ли не половину ее мы расходуем впустую! По подсчетам японских специалистов, лишь в одной отрасли Советского Союза — а именно в металлургии — из-за бесхозяйственности расходуется энергии больше, чем ее вырабатывают все атомные электростанции страны. Значит, если мы наведем элементарный порядок в металлургии, а также и в других отраслях хозяйства, то отпадет надобность в АЭС, а вместе с ними отпадает непрекращающаяся угроза радиоактивного заражения наших сел, городов, земель.

Поэтому мы считаем, что никакие ссылки на нехватку энергии не могут служить оправданием существования мин замедленного действия, именуемых АЭС. Мы будем бороться за то, чтобы в законодательном порядке было остановлено строительство новых АЭС и чтобы в течение ближайших десятилетий был произведен демонтаж ныне работающих атомных станций.

Второе. Сознательно ограничить размеры нашего потребления. Ведь в производстве тряпок и всякого рода поделок мы давно уже переступили границы разумной деятельности. Идет нескончаемый конвейер выпуска товаров, которые чуть ли не на другой день уже образуют горы мусора. Да будет для нас вдохновляющим пример Сократа, который, придя на афинский рынок, с неподдельной радостью воскликнул: «Сколько же здесь ненужных для меня вещей».

Третье. Отказаться (хотя бы на время) от глобальных технических проектов, в том числе и космических. Дело не только в дороговизне космических экспериментов. Дело в том, что наши ракеты наносят колоссальный ущерб атмосфере и защитной зоне планеты (в частности озоновой) и, следовательно, ставят под угрозу здоровье и жизнь людей на земле.

V

Однако приведенные выше соображения отнюдь не означают, что мы требуем запрета науки и отказа от всех достижений современной цивилизации. Нет, речь идет об ином — о том, чтобы перепрофилировать науку, чтобы поставить ее, а вместе с ней и нашу цивилизацию, на другие рельсы. Очевидно, настало время, когда наука должна сосредоточить главные усилия не на освоении Макрокосмоса, а Микрокосмоса, каковым является человек. Если «каждая живая клетка имеет куда более сложное строение, нежели какое-либо светило» (Ф. Дюрренматт), то высвобождение потенциальных возможностей человеческого организма сулит непредсказуемые открытия. Не исключено, что будут найдены и более гибкие и экологически чистые варианты тех же полетов в Космос.

«Мир через Культуру» — это и гармонизация отношений человека с Космосом, возможная лишь при условии расширения человеческого сознания до вселенского уровня. Должна быть усвоена столь очевидная на сегодняшний день истина: вначале мы жители Вселенной, потом уже жители Земли. Но если мы жители Космоса, то, значит, обладаем колоссальными резервами космической энергии (называемой иногда психической энергией), еще не освоенной нами. И значит, на нас ложится ответственность высочайшего нравственного толка за разработку и использование этой энергии в ближайшем будущем.

Можно сказать, что лозунг «Мир через Культуру» призывает к устроению жизни человеческой по законам красоты, одухотворенной красоты, которая, по незыблемому убеждению Рериха, и ведет к подлинному познанию Космоса.

VI

Сейчас стало модным говорить об Апокалипсисе. И это неспроста и неслучайно. Конец света, который долгое время являлся лишь риторической фигурой, обрел ныне зримые очертания. Нужно считать чудом что мы еще живем, невзирая на то, что столь легкомысленно вмешиваемся в тайны атомного ядра и с такой нарастающей сатанинскою силой разрушаем среду своего обитания.

Однако устрашить человека легко, дать надежду — не призрачную, а реальную — гораздо труднее. А надежда на спасение есть. Кстати, в том же Христианском Завете, что пророчествует

об Апокалипсисе, возвещается о приходе — в критический момент существования человечества — Параклета, или Утешителя. Он, как обещает Евангелие, «наставит вас на всякую истину». Но не только христианство бросает спасательный якорь тонущему человечеству. Священное писание буддистов пророчит о появлении (и тоже в критический момент существования планеты) Майтрейи, Будды грядущего, знаменующуго собой победу Шамбалы, то есть царства истины над невежеством и злом.

Вряд ли можно считать случайностью, что мировые религии сходятся в одной и тойже точке и несут — под разными наименованиями — одну и ту же весть.

Если перевести существо этой вести на язык современности, который может быть одинаково приемлем как для верующих, так и для неверующих, то речь идет о коренном, революционном обновлении нашего мышления и превращении его в космическое сознание. Живая этика, которую исповедовали Рерихи и которая не является религией, а является синтезом сокровенной информации существовавших и существующих религий, а также обобщением их позитивного нравственного опыта, настаивает как на неотложной задаче наших дней — на освоении психической энергии, то есть энергии космической, заключенной в человеке. Сознательные и целеустремленные действия в этом направлении могут послужить реальным противовесом Апокалипсису, симптомы которого стали четко обозначаться, начиная с первой мировой войны. Елена Ивановна Рерих предупреждала:

«В конце этого столетия грозные симптомы появятся снова и судьба наших землян и нашего «Домика» будет зависеть всецело от наших условий отвратить такое страшное бедствие осознанием высокой Психической энергии, чтобы тем самым создать новый прилив этой страстной мощной силы, которая одна может противостоять многим, если не всем разрушительным энергиям».

Иными словами — спасение наше зависит от нас самих, от нашей решимости и воли сделать правильный выбор.

VII

Мы живем в период обострившейся до последней степени борьбы сил света и сил тьмы. Смертельная угроза нависла не только над экологией природы, но и над экологией человеческой души. Как никогда актуальны слова Рериха о том, что «человечество находится в небывалой еще опасности». Тьма редко бывала активна, как сейчас. Редко можно было наблюдать истинный интернационал тьмы, как в наши дни».

Темные тайно и явно сражаются — напоминал Рерих. Ныне они предпочитают сражаться явно, не утруждая себя камуфляжем. Идет открытая тотальная психическая атака на умы и сердца людей. «Массовая культура», порнография, дегероизация, дегуманизация, деэстетизация, — все, если разобраться, подчинено одной цели: превращению человека в двуногого робота.

По существу, «интернационал тьмы» бросает наглый вызов духовной культуре всего человечества, традициям, нравственности, здравому смыслу вещей в конечном счете. Не замечать этого значит уклоняться под тем или иным предлогом (иногда даже и благовидным) от борьбы и значит обречь себя на поражение.

Учреждая Ассоциацию, мы выполняем волю Николая Константиновича Рериха, ибо провозглашаем Крестовый Поход во имя Мира и Культуры с большой буквы, во имя их нерасторжимого единства, запечатленного в девизе «Мир через Культуру». А поход — это всегда наступление.

Слово «Культура» Рерих разбивал на две части: «Культ» — почитание, «Ур»—свет. Получалось: «Почитание Света». Но отсюда следует, что лозунг «Мир через Культуру» мы можем в свою очередь расшифровать как «Мир через почитание Света». Собственно, в этом и состоит сокровенный смысл девиза.

Осуждением тьму не прогонишь; отрицанием тьму не победишь (наоборот, при определенных условиях тем самым даже ее усилишь). Рериховская «наука побеждать» зиждется на следующем постулате: «Лишь привнесение Света уничтожает тьму». Вот этой главной задаче — привнесение Света во все сферы жизни — мы и обязуемся отдавать и силы наши, и устремления наши.

ИМПРЕССАРИО

Представьте себе пианиста мирового уровня Андрея Диева в шубе Деда Мороза, веселящегося с ребятишками на сцене. Представьте, как дети, тут же, одного за другим, вытаскивают на сцену Игоря Худолея, Кирилла Родина, Даниила Крамера, Александра Фишера, смеются, шутят, играют серьезную и не очень серьезную музыку. И все это делается на одном дыхании, при доброжелательной реакции публики.

Представьте рождественские концерты и их кульминацию — Рождественскую ночь, где вокальные циклы Мусоргского в исполнении Анатолия Сафиулина сочетаются с виолончельными и фортепианными программами Кирилла Родина и Андрея Диева, где сюрпризом звучит выступление ансамбля старинной музыки из Новосибирска под управлением Аркадия Бурханова, а далеко за полночь зал увлекает первоклассный джаз. Тут же во время больших антрактов проводятся беспроигрышные лотереи, конкурсы тортов, выставки картин, фотографий, композиций флористов, а в кафе-баре непринужденно общаются слушатели и исполнители.

Вообразите город, где давным-давно прошли времена так называемых «популярных программ», где искушенные и взыскательные слушатели в переполненном зале слушают Скрябина в концерте из двух отделений, где могут сравнивать три интерпретации «Картинок с выставки» и в два вечера услышать четыре вокальных цикла Мусоргского. Где программы концертов состоят из сонат Тартини, Шуберта, Шопена, Прокофьева, концертов Баха, Моцарта, Брамса. И слушателей на концертах больше (да, больше, мы сами видели), чем на этих же программах в Большом зале Московской консерватории. На воскресные концерты здесь приходят семьями с благоговением, как когда-то на богослужение.

И все это факты музыкальной жизни Сургута.

Если к тому же добавить, что на факультете повышения квалификации при музучилище для преподавателей детских музыкальных школ округа целый семестр читают лекции, дают открытые уроки доценты, профессора консерваторий Москвы, Риги, Екатеринбурга — то это тоже Сургут. И нет здесь даже намека на провинцию.

Музыкальная культура города имеет необычную и счастливую судьбу. Музыкальное училище здесь открыто 20 лет назад, раньше даже нефтяного техникума. Шесть музыкальных и одна художественная школа, педучилище с музыкальным отделением, школа искусств. Зазвучал городской камерный хор, сделаны решительные шаги в организации профессионального симфонического оркестра. Счастливая судьба музыкального Сургута также и в многолетних традициях гостеприимного, радушного приема приезжающих сюда на гастроли музыкантов.

Сложились эти традиции не сами по себе. Потребовалась долгая, систематическая и продуманная работа. И за нее Сургут обязан замечательному энтузиасту, заведующей фортепианным отделением музучилища Ирине Болеславовне Ткаченко (в училище и проходят все упомянутые мероприятия).

Без преувеличения можно назвать Ирину Болеславовну выдающимся импрессарио, талантливым организатором, тонким психологом и знатоком артистических душ. Можно сказать, что она одна работает с эффективностью крупной филармонии.

На снимке: И. Б. Ткаченко.

Фото Л. Березницкого.

Не только огромные организаторские способности, ум и энергия отличают эту красивую женщину с безупречным вкусом и чувством стиля. Стратегия и тактика форм и программ концертов, безошибочный подбор «ансамбля» участников, работа со слушателями психологически точны и исполнены силы воли.

Где же вы, столичные организаторы культуры? Ведь в Сургуте живет импрессарио союзного (если не более) масштаба! Впрочем, если И. Б. Ткаченко уедет из Сургута, столь активная музыкальная жизнь здесь постепенно заглохнет. Это ясно.

В чем же заключена притягательность Сургута для артистов? Можно поделиться простыми секретами из арсенала нашего импрессарио.

Музыкант не должен опасаться, что его не встретят в аэропорту — в Сургуте это исключено. Он будет жить в самой лучшей гостинице, не заботясь об обедах и ужинах. Он знает, что рояль настроен лучшими настройщиками, также приглашенными в Сургут по этому поводу и живущими в лучшей гостинице. Он знает, что благожелательная публика будет переполнять зал, и тонус его будет горячим. Невзирая на мороз и сугробы, море цветов будет ему наградой. В перерывах и после концерта в уютной артистической его ждет крепкий горячий кофе. Он будет репетировать в удобное время, ездить на загородные прогулки. Никогда не возникнет никаких финансовых проблем — богатые организации — спонсоры позаботятся об этом. Буквально на следующее утро он получит замечательные фотографии с концерта, а позднее — фотоальбом о пребывании в Сургуте. Исполнитель не будет думать ни о чем, кроме музыки.

Фантастика?! По нашим филармоническим меркам — да. Но ведь это так просто. Иначе ведь и нельзя.

И еще о спонсорах. О, они предмет особых забот, энергии, испытание силы убеждения нашего импрессарио. Все мероприятия требуют денег, а подчас и немалых. А легко ли найти их в наших, хотя и далеко не бедных, организациях? Но они деньги находят, даже, пожалуй, не сознавая, что продолжают лучшие традиции русских меценатов. Назовем их имена с благодарностью: директор центра реализации молодежных идей С. Хорунжий, заместитель генерального директора производственного объединения Сургутнефтегаз В. Баранков, генеральный директор объединения Сургутгазпром А. Пушкин, заведующий отделом культуры Я. Черняк и другие.

Нынче состоялось открытие третьего сезона классической музыки. На «вечере при свечах» играли лауреат международных конкурсов им. Дворжака в Праге и им. Чайковского в Москве виолончелист Сергей Судзиловский и пианист, лауреат международных конкурсов в Токио и Монреале Андрей Диев.

В целом музыкальный сезон 1991-92 г.г., будет пронизан моцартовской темой. В феврале состоится фестиваль, на котором исполнители международного класса Анатолий Сафиулин и Леонид Мартынов в сопровождении сургутского камерного оркестра под управлением преподавателя музыкального училища Владимира Гришина исполнят оперу «Моцарт и Сальери».

Вот так и живем. Возникает вопрос: неужели у нас все отлично и нас не коснулся современный кризис культуры? Коснулся, да еще как! Но Сургут в то же время являет собой пример того, как можно противостоять этому кризису.

Е. ГУСАКОВ,
преподаватель Сургутского музыкального училища.

ЗАБОТЫ АРХИВИСТОВ

Г. КОСТИНА,
директор государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа.

Опыт прошлого, зафиксированный в архивных документах, имеет неоценимое значение для правильного решения вопросов сегодняшнего дня — экономических, культурных, научных.

Хорошо сказал об этом русский путешественник Лаврентий Алексеевич Загоскин, искавший в архивах Сибири следы экспедиций отечественных землепроходцев: «Бесценные свидетельства великой славы Отчизны и народа скрыты в темных недрах архивов, и чиновники, как сказочные драконы, стерегут эти сокровища».

Действительно, архивам, в том числе и находящимся в нашем округе, есть чем привлечь внимание исследователей, в них хранится неисчерпаемый объем ретроспективной информации, отражающей материальную и культурную жизнь местного населения. Это 132830 дел управленческой документации, 3233 фотодокумента, свыше тысячи дел личного происхождения. Тематика исследований, в которых использованы документы нашего окружного архива, весьма разнообразна: это и правовое положение национальных округов, и этносоциальные процессы в районах проживания народов Севера, и история церквей, и положение репрессированных и многое другое. В нашем архиве работают ученые Тюмени, Ленинграда, Москвы, Тобольска и других городов.

Исследовательскую работу ведут и сами архивисты округа. В шестидесятые-семидесятые годы ими выявлено немало интересных документов для сборников «Наш край», «Из истории культурного строительства в Тюменской области», «Тюменцы—фронту» и других, а сейчас они работают над Книгой Памяти, создаваемой к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне.

К архивным документам как источнику информации обращаются по самым разным поводам: за подтверждением трудового стажа при назначении пенсий и в связи с изменениями в пенсионном законодательстве, за справками о конкретных людях (эвакуированных из блокадного Ленинграда, ссыльных, репрессированных и т. д.), за материалом для выставок, подготовки управленческих решений, публикаций в печати и по радио, школьных уроков, различных мероприятий. Например, в 1987 году по архивным документам написан сценарий национального праздника в с. Согом Ханты-Мансийского района. Для оформления новых экспозиций окружного музея архив выдал свыше ста копий.

Сложные процессы, происходящие в обществе, стали оказывать существенное влияние и на архивное дело. Как работать сегодня! Возьмем один из самых больших вопросов — передачу документов на государственное хранение. Известно, что из-за отсутствия свободных площадей возможности архивов ограничены или уже исчерпаны. Если архивы Ханты-Мансийска, Урая, Сургута получили в последние годы помещения, которые отвечают основным требованиям, то, например, филиал облгосархива в Нижневартовске расположен в очень тесном помещении. Не везде создан соответствующий температурно-влажностный режим, и вообще материально-техническая база остается бедной.

Но есть и другая сторона у этой проблемы. Комплектование госархивов полностью зависят от состояния ведомственных архивов учреждений, организаций, предприятий, от культуры делопроизводства. Тот, кто не признает этого, допускает грубую ошибку и наносит ущерб государственному архивному

фонду, поэтому есть надобность поговорить на эту тему подробнее.

На сегодня в архивы округа сдают документы постоянного хранения 933 организации, в которых взято на учет 38510 дел постоянного хранения и 60019 дел о подтверждении трудового стажа граждан. В архивы поступают документы, уже сформированные в дела, которые, как показала практика, зачастую экспертизе и научно-технической обработке на местах не подвергаются. Не такая уж редкость — неправильное оформление дел: в одно дело подшиваются документы постоянного и временного хранения, дублетные заголовки не всегда отражают содержание, не обращается внимание на оттиск штампа, печати, отсутствие подписей. Все это может показаться мелочью, но такие документы теряют свою юридическую силу.

Упорядочением дел в организациях занимаются секретари-делопроизводители или работники кадровой службы, которые часто меняются из-за низкой оплаты труда; за работу с документами доплата не производится. Надо сказать, что и отношение руководителей ряда организаций к вопросам делопроизводства несерьезное. При смене их, как правило, документы по акту не передаются, поэтому происходят утраты дел, однако, никто из руководителей еще не понес за это ответственности. Поэтому не случайно подготовлен проект закона «Об архивном фонде», в котором предусматривается, что должностные лица и граждане, виновные в незаконном уничтожении документов, их хищении и т. д. несут уголовную административную, дисциплинарную, материальную или иную ответственность.

В округе ежедневно происходит реорганизация и ликвидация учреждений, создаются разные общественные объединения. Работать с организациями становится все труднее и труднее. При ликвидации учреждений архивы не могут принять дела по личному составу из-за отсутствия свободных площадей. Как попытка найти какой-то выход созданы межведомственные архивы в Октябрьском районе — на договорных началах с элементами хозрасчета. Объединенный ведомственный архив создан в производственном объединении «Сургутнефтегаз». Работает хозгруппа из двух человек в Нижневартовском филиале облгосархива. Принято решение о переходе на новые условия хозяйствования Ханты-Мансийского окргосархива. Это в будущем должно способствовать улучшению научно-технической обработки документов по личному составу в организациях и предприятиях.

Именно сейчас, когда интерес огромных масс населения к своему прошлому необычайно возрос, государственная архивная служба нуждается в значительном укреплении. Ведь мы имеем дело с подлинной документальной базой — уникальной, неповторимой и невосполнимой.

«ОЧРАШУЛАР» — ЭТО ВСТРЕЧА С ДОМОМ

В городе Нефтеюганске проживают десятки тысяч татар и башкир. Год назад в Доме культуры «Юность» у их появился свой клуб — «Очрашулар», что в переводе с татарского означает «встреча». За это время клуб для многих стал местом встречи с родным домом, со своей родиной.

— В нашу первую встречу я так всем и сказала: вы чувствуйте себя здесь, как будто домой пришли, — рассказывает руководитель клуба Рафиля Магнавиевна Мазитова.

— Каждому человеку, я считаю, очень нужно и важно — где бы ни был, где бы ни жил, — быть причастным к родной земле, постоянно чувствовать ее притяжение. Нам нужно общение, чтобы не потерять родных корней, чтобы помнить свое родство самим и продолжить его в детях наших.

...За чашкой чая собираются здесь и старые, и молодые, приходят целыми семьями. В клубной комнате сразу становится по-домашнему тепло и уютно.

Татарские женщины — стряпухи отменные, на выдумки горазды, уж такого навыпекают — каждая друг перед дружкой старается. Рецепты всякие выискивают, что у кого бабушка готовила, да где в какой деревне удалось нечто такое попробовать.

За время встреч, а они проходят два раза в месяц, не только хорошо познакомились, но многие и друзьями стали. Есть о чем поговорить. И о том, что кому из дому пишут, о событиях в Татарстане и Башкортостане — тут уж и споры горячие бывают. А если еще и газеты кто-то свежие привез или книги интересные — беседе конца не видно, пока кто-нибудь не возьмет в руки гармонь или баян. Сначала потихоньку, несмело звучит мелодия — глядишь: один, другой прислушивается к народным мотивам, подпевает. Народная песня обязательно звучит каждый вечер. Поют старые, известные, а если полюбится — «вот послушайте, какую нынче слышала в родной деревне», — выучат и ее.

— У нас в клубе всегда интересно и весело, — делится Р. М. Мазитова. — Кто умеет петь или танцевать, знает какие-то игры, обычаи своего района, деревни — сам становится ведущим, учит, показывает. У нас много гармонистов, баянистов, любителей частушек. Мы и конкурсы различные проводим. Каждый старается не ударить в грязь лицом, чем-то удивить, поразить — бывает так, что не знаем, кому и присудить первое место. Сочиняем частушки и сами — на современные темы, о своем городе Нефтеюганске. Причем, необходимое условие — только на татарском или башкирском языках.

— Вот и игра у нас такая есть, — продолжает Рафиля Магнавиевна, — я даю татарские слова и предлагаю из них сочинить стихи. К таким конкурсам внимание повышенное. Они и радуют, и огорчают. Огорчают прежде всего потому, что немало есть людей, особенно кто родился и вырос здесь, которые не знают своего языка. А без этого разве смогут они проникнуться, глубоко понять культуру своего народа! Конечно, нет. Вот и стараемся мы через такие вот конкурсы приобщиться к изучению языка. И радует, что с каждым разом желающих участвовать в этой игре становится все больше, в том числе и детей. И сегодня уже все настойчивее высказывается желание организовать занятия, на которых изучался бы татарский язык.

Надо сказать, что каждая встреча здесь не похожа на другую. Ее стараются разнообразить не только руководитель и совет клуба, но и все остальные члены его. То кто-то привезет из дома, побывав в отпуске, интересную литературу, кто-то — магнитофонные записи песен, стихов, обычаев. Не забывают и о мусульманских праздниках. В клубе формируется уважительное отношение к традициям татарского и башкирского народов. И не только к своим, но и к традициям других национальностей.

Много работы, много планов у членов клуба. Конечно, не все всегда получается так, как бы хотелось. Бывает, нет нужной литературы, хороших гармошек, достаточного количества денег на проведение различных мероприятий. Чем может, помогает Дом культуры «Юность». Свою поддержку пообещали управление технологического транспорта Запсибнефтестроя и два управления механизированных работ, в чьих коллективах свыше 40 процентов работников — татары и башкиры.

— Ды и мы не сидим сложа руки, — говорит Р. М. Мазитова. — Создали свой ансамбль, без которого теперь не обходится ни один концерт. На его базе хотим создать выездную концертную бригаду. Планируем организовать при клубе студию звукозаписи — записывать и продавать кассеты с татарскими и башкирскими песнями. Я думаю, они заинтересуют многих, а мы сможем пополнить свой бюджет.

В клубе «Очрашулар» собрались разные люди. Сотни километров отделяют их от отчего порога, но эти километры не разъединили их с домом. Он здесь, рядом — в сердцах тех, для кого нефтеюганская земля тоже стала родной. И этому немало помогли встречи в клубе «Очрашулар».

А. КОНДРЮКОВА.

А. Горустович

ЗАПИСКИ НЕДОВОЛЬНОГО

ВОЗРОДИМСЯ ЛИ ИЗ ПЕПЛА?

Если выдающиеся личности формируют благотворные течения, взгляды, художественные, эстетические и этические вкусы и нормы, оказывая главенствующее влияние на культурный уровень общества, то сама культура создает в разных сферах и гениев, и поденщиков. Вся наша история исполосована то светлыми взлетами ума и вдохновенного творчества, оставляющими после себя на века творения разума и таланта, то падениями в омут невежества и бескультурья, тогда общество неизбежно скатывается в бездну духовного распада. Это мы, сегодняшние, с нашей общей бедой—потерей нравственной основы. Мы в массе своей, непробудно, непробиваемо коллективной, год от года опускаемся все ниже и ниже, в никуда, и уже уготована нам пропасть вседозволенности и хаоса нравов, вкусов, потребностей, ненасытности плоти. Все вокруг— запустение, разрушение, варварское истребление природных и рукотворных ценностей. Крушим, загрязняем, топчем, заливаем нечистотами. Сами у себя воруем красоту. А если и не причастны к разрушению, то спокойно-равнодушно наблюдаем за осквернением нашей жизни невеждами. А невежество, как клеймо на крупе лошади, — от него трудно избавиться.

Некогда уютный, красивый Урай с ухоженными подворьями, штакетниками вокруг цветников, в любом подъезде — чистые стены и лестницы, домотканные дорожки, комнатные цветы на подоконниках, — было ли это! Не сон ли! Было да сплыло. Не враз, не в один миг — исподволь скудела душа, червь равнодушия точил себе логово, и докатились мы в своем городе до мусорных свалок, завалили всяким бытовым и строительным хламом живой, чистый ручеек вдоль объездной дороги, уничтожили скульптурные дорогостоящие композиции в детском «Золотом замке». К первому утру Нового года «шалунишки» успевают ободрать красавицу-елку, порезать красочные планшеты, снести голову ледяной Снегурочки — словно нечистая сила поднимается из адского логова, чтоб доказать свою живучесть.

А культура в общественных столовых! Немытые руки, нахлобученные на глаза шапки, грязная верхняя одежда. Куда ни глянь—повсюду в общественных местах лагерный, запроволочный быт, сдобренный смачным матом. Дети берут пример, подражают взрослым во всем—вспарывают кресла, упражняются в порнографической живописи на стенах, пересыпают речь «блинами» и «бляхами». Люди добрые, куда мы скатываемся! Кто скажет нам, если не мы сами: «Остановитесь! Оглянитесь! Что сеете! Что будете пожинать!»

Бывало, лет 20-15-10 тому назад афиши, объявления в местной газете приглашали урайцев посетить выставку фотографии, живописи, рукоделия, прийти на вечер авторской песни, встречу с поэтами. Сегодня если кто и пишет стихи, сочиняет песни, рисует, вышивает затейливые узоры, то творит сам для себя, в альбом, на полку. Даже микровыставки в цехе, в дошкольном учреждении — редкость; люди которые по должности своей обязаны быть разведчиками и популяризаторами образцов самобытного творчества, самоустранились: нет сигналов свыше.

Что делать — мертвый сезон! И длится он в Урае уже не один год. Работник культуры — это не звание, а призвание, это не только выполнение должностной инструкции, а, скорее, личная выстраданная заинтересованность, ответственность за состояние духовной сферы земляков и всей окружающей среды — от культуры взаимоотношений до фасадов зданий, от выбора блуждающих по стране «звезд» до качества кооперативной продукции.

Часто приходится слышать: «Не до жиру, быть бы живу» (имеется в виду — не до культуры при талонной системе). Но и жить, преодолевать трудности, и даже уходить из жизни в окружении невежества, хамства, наглости — ох, как трудно! Еще труднее в окружении по-

головного бескультурья сохранить человеческое достоинство. А ведь было и по-другому: в блокадном Ленинграде умирающие тени заполняли концертные залы, чтобы вслушаться, уловить горько-скорбные и героически-победные звуки симфонии Шостаковича. То был взлет человеческого духа, и очень многим ленинградцам этот духовный всплеск помог выжить.

Мы стоим сейчас у самого края экономической и духовной бездны. Если поможет нам наше долготерпение и мы выстоим, начнется наше восхождение. Как надобно нам сейчас, пока не поздно, затаив дыхание перед таинством природы, снять с себя пену, шелуху ошеломившего нас прогресса, все возрастающих потребностей и планов и хотя бы на миг ощутить восторг первобытности — родства с природой, с каждой травинкой, каждой росинкой, с птахой каждой, кружащей доверчиво над нами. Домашний аквариум с баснословно дорогими инфантильными рыбками, попугайчик в клетке, пышная тысячерублевая кошка или карманная собачонка — тоже радость, но едва ли она заменит радость общения с огромностью поля, таинственностью леса, заснеженностью сибирских далей. Проверьте себя — вздрогнет ли ваше сердце, когда увидите весной в поднебесье журавлиный клин. Если отзовется душа радостным волнением, значит не все потеряно! Значит, не умертвили мы еще в своих душах бесценный дар — трепетную радость от благодати ЖИТЬ!

Экзотические эпизоды кинохроники и художественных фильмов — ритуальные танцы вокруг костра на берегу заледенелого озера, песня пряхи при свече, плетение рыболовной сети у порога хижины — непроизвольно вызывают у нас волнение и какую-то неизъяснимую тоску по вольности. А в действительности, наяву, мы в массе своей высокомерно равнодушны к старине, если она не в магазине. Только редкие знатоки да предприимчивые люди давно оценили красоту, изысканный вкус одежды и украшений и извлекли из этого немалую выгоду. Изделия северян из кожи, меха и бисера в инвалютных столичных магазинах не задерживаются на прилавках — их раскупают иностранцы.

Гармония природы дала человечеству первые уроки музыки, живописи, скульптуры. Жизнь в согласии с природой питает душу вдохновением, ум — мудростью, фантазию — причудливыми видениями. Так сказки леса через сказителей, песенников уходят в народ, творения рук украшают домашний быт, выставочные залы, музеи фольклора. Народности, сохранившие влияние природы на свой жизненный уклад, на песни, танцы, прикладное искусство, пополняют своими творениями сокровищницу общечеловеческой культуры. Но, как часто бывает, мы не умеем хранить бесценное и вспоминаем о потерянном, когда оно уже невозвратимо. Что мы знаем о коренном населении! Интересуемся ли, чем заняты долгие вечера людей преклонного возраста, которым есть о чем рассказать, что показать из заветного уголка. Так не в честь (как мы это обычно делаем) какого-нибудь юбилея, а по личному побуждению, в минуты досуга начнем поиски, привлечем школьников, организуем кружки — сохраним и продолжим веками нажитое рукотворное отражение природной красоты.

Мы, наезжие, непрошенно заселившие этот край, обязаны ради уважения к местному населению овладеть хотя бы азами разговорной речи аборигенов. Так не следует ли открыть курсы по изучению языков ханты и манси! Желающие, уверена, найдутся.

Правительство Российской Федерации повернулось лицом ко «всем языкам», населяющим республику, и хотя еще очень медленно, но уже начали восполняться долги. Вот хотя бы самый близкий пример — рождение журнала «Югра». Возвращаются «на круги своя» люди, заселяются опустошенные, обезлюдевшие селения, вновь приходит вкус к исконным промыслам, вспоминаются забытые ремесла. И если мы, пришельцы-расточители, умерим свои притязания, укротим свой непомерный аппетит добытчиков, окажем помощь национальному возрождению края, то, когда уйдем, оставим по себе добрую память. А останемся здесь, на этой измученной и, будем надеяться, возрожденной нашими общими усилиями земле, — будем добрыми соседями, родичами, земляками, мирянами. Дожить бы!

ОН БЫЛ, ОН ЧУВСТВОВАЛ — ОН ЖИЛ.

(Нравственные раздумья сельского учителя А. С. Знаменского).

В своей жизненной тропе человек должен быть всегда добрым (добродеятельным, добродейственным, а не только доброжелательным), терпеливым, справедливым и выносливым.

Ущемленная душа и сердце человека глубже воспринимают мир и отношения в нем и чем раньше в жизни человека это произойдет, тем лучше, т. к. раньше наступит просветление мироощущения человека.

Тропа истекает скорбей и забот, и трудностей, и невзгод, разочарований полно на остатках пути, много не сделано трудового, нужного, добро-полезного... Но все равно не предавайся черному томлению, трудись, терпи и радуйся простой, сердечной беседе с человеком и никогда не думай, что только один такой на белом свете — это везде и всюду и никогда не пресекается на нашей планете.

Зачем страдание в мире? Затем, чтоб было видно в мире, какой ты будешь в страдании и как ты будешь шагать по земной тропе жизни, о чем будешь думать и что будет говорить твое сердце с твоим разумом.

Дух низменных мышлений, мыслей и чувств покидает человека только в страдании, [которое] делает душу и сердце светлым и кристальным.

«Человек, помоги сам себе» — т. е. человек должен сам себя взвесить, сам должен себя пробудить от серой спячки к свету, правде, чистой любви, должен сам себя освободить от тьмы, от хлада (льда) души, от истоков злых, мрачных и мерзких эмоций и мыслей, сам должен подняться по ступеням трудным и тернистым к лучам света, истины, правды и любви.

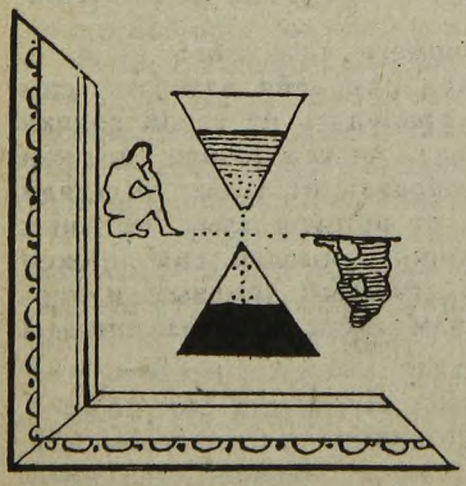
Окончание. Начало см. «Югра» № 1.

Если б человечество выполнило формулу христианскую «не убий», это было [бы] в его пути еще не все — нужно было бы незлобно, молчаливо переносить все жизненные препоны на извилистом пути жизни.

Душе человека дано оценить свои интимные стремления, желания и мысли, верно их взвесить на весах человеческой совести, но он, зная это в самом себе, лицемерно просит Небо (Бога) подсказать ему, не допустить его до жизненных ошибок. Лицемерие и лжемольба: нельзя ли несколько застраховаться в душевной псевдочистоте и обмануть Бога, как будто всего свершившегося (или могущего свершиться по воле просящего человека) он, человек, ранее не заметил. Так иногда человек стремится найти себе «оправдание», заведомо зная цену своим вольным шагам жизни. Кто-то весьма верно сказал: «Человек, сам себя спаси», т. е. сумей сам себя взвесить и осудить.

В жизни все спутано (в жизненном круговороте — котле) — и добро, и зло, равнодушие и вдохновение, героизм и приспособленчество, активность и пассивность, прекрасно-чудесное и мерзость низменная.

Сила войны, уродующая и уничтожающая все живое и мертвое, лежит не где-то там за пределами облачных высот, она лежит в самом человеке,



в его секторах души, сознания и сердца, в явной и потенциальной форме, она влита метафизически и мистически в его природу с появлением человека. Но у человека есть и второй сектор души и сердца, который должен противостоять второй его природе — природе злоумия и злочувствия.

Когда говорят о зле в мире, то обычно понимают под этим словом... преступления, предусматриваемые статьями уголовного кодекса. Но исчерпываются ли статьями кодекса явления зла в мире, в жизни, в людских отношениях, в государстве и между странами и государствами, в сознании личности и в ее интимной сфере, в тайночувствиях и тайномыслиях? Конечно, нет — зло является в мире в бесконечно разнообразнейших формах, вариациях и притом под видом добродействия, дружбы, дружественности, братства, свободы, равенства и т. д. Большие государственные политиканы говорят о переустройстве территорий для человеческого счастья, но история показала (1941—45 гг.) величайшую демонстрацию ...зла, злоумия, зломыслия, злодействия, великого кровопролития.

История показывает, что разрушители как правило не восстанавливают разрушенного.

Все, что было проявлено людьми в войне, дикой и безумной, уже предсуществовало в потенциальных складах человеческой души и таилось (до поры до времени) в тайниках человеческого тайномыслия и тайночувствия, пока «занавес» был закрыт.

Что видел в жизни я? Мы ищем зло за океаном — его полно вблизи, вокруг и даже в нас самих. Припомни лучше редкие «шаги» в своей душе и сердце, когда незримый сатана дает тебе движенье в мысль и сердце, и осуди себя и взвесь свои волнения.

Поклонение животу (Вакху и Мамоне) притупляет аналитические способности (силы) человека и иногда делает желу-

дочный мешок «центром» вселенной. Для них «центр» вселенной пребывает в желудочном мешке, здесь и «гнездуется» точка зрения на жизнь и на окружение.

Подавляющее большинство людей (люди коллектива) не нуждается ни в философии, ни в мировоззрении, ни в религии, прежде всего оно нуждается в наполнении желудочного мешка, в жилище, в одежде, в зрелищах (разных), в слушании музыки, в легком чтении легкой литературы.

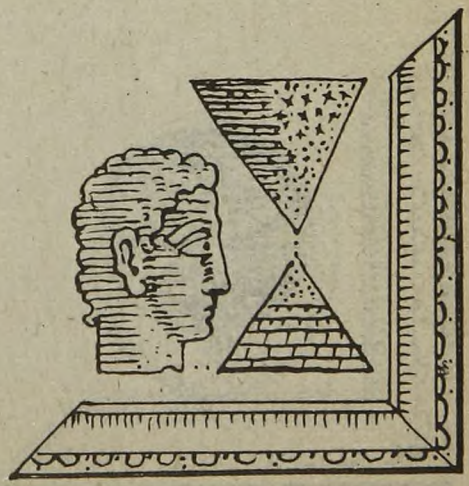
...Цель жизни — отторгнуть в своей душе тот мрак, который источает все низменное, порочное, преступное, ложное, дикое и т. д. На этом завершается задача земного пути человека.

В послевоенных материалах, написанных фашистскими генералами (наверное, уже пенсионерами), не выражен аморализм войны, ее дикости, злоумия, преступного равнодушия. Наоборот—свершившийся исход войны рассматривается как выражение неудачного военного руководства, а все людское горе, великие бедствия и страдания, пожизненный гнет, зверства, произвол, издевательства и унижения миллионов мирных людей остались не замечены, не ощущены ни в сердце, ни в сознании. Этого они не заметили. Они не заметили сатанизма в самих себе.

Вы спрашиваете: что такое дьявол? Это, конечно, не сказочный образ в виде человекообразного существа, на копытцах, в клочкообразной шерсти, с острыми когтями на пальцах, с короткими острыми рожками на голове, с бегающими остро-хитрыми глазами, с большой подвижностью тела, способного исчезать, появляться, перевоплощаться и т. д. Все это фантазии ничего не дающие. Действительность совсем иная: человеческому сознанию, интеллекту, сфере чувств присуща способность принимать невольно мысли, ассоциации, ощущения, чувствования и потенциально-скрытой сферы, из тайников тайночувствия и тайномыслия, где-то как-то грезящихся в человеческой душе, в каком-то мрачном тайнике. И если человек, его душа не отторгнет, а примет эти «депеши» (от «неизвестного»), то они становятся гостями, вольно допущенными «пройти» в душу, сознание и сердце твое, после этого они («депеши») еще и еще раз придут «в гости» и, не будучи отторгнутыми, могут прочно овладеть твоими мыслями (сатаническими) и чувствами, чтобы затмить твой прежний мир мыслей и чувств для совершения преступления и притом так, как будто все это было (или могло быть) только твое, но... и не твое.

И дикие безумные войны существуют потому, что человек не разделяет и не хочет видеть, разделять в себе два противозначных мира и, не расставаясь с ними, вольно идет по велению капрала и «честно» выполняет его приказания, как «направо», так и «налево», и по времени говорит: «Вот что война наделала, а я только честно выполнял веления высшего командования». А когда капралы обанкротились и превратились в прах, то их покорные исполнители стали обмывать свои кровавые руки и выражать недоумение, т. е. стали только показывать проблески примитивного разумения. А где же истый разум у них? Человек, не отторгающий свою животную спутницу (в тайномыслиях, желаниях и действиях), становится пленником сатанизма и идет за ним покорным хвостом.

Сатанизм — это та сила, которая вносит противоречия в сознание и



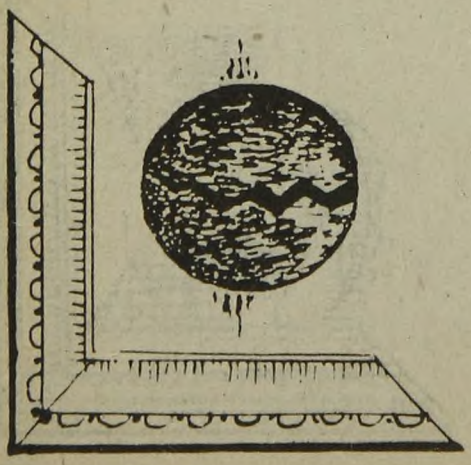
эмоции людей (а также животных и птиц и т. д.), он (сатанизм) вносит во всем разлад и разрушает мир там, где он еще не упрочился.

Если человек ратует против сатанизма в других, сатанизм сам придет к нему в тонких одеяния, занавесях и в мантии доброго веяния, и этот человек легко может сделаться его (сатанизма) рабом и левой рукой будет зачеркивать то, что записывал правой... не замечая своего внутреннего самоотрицания.

Где первоисточник страдания человека и человечества? Это, конечно, сам же человек, он — участник, выполнитель, «творец» величайших кровопролитий и жестокостей и зверств, истребитель трудовых вековых накоплений, созидатель всеистребляющей силы, исполнитель a posteriori траурных похоронных маршей и победных ритмичных (раз-два, раз-два) маршей на твердых звучащих каблуках по твердому асфальту. И говорит писатель: «И жизнь хороша, и жить хорошо».

Нельзя сказать, что человек совершенно бессилен на жизненном поле — ему даны достаточные силы бороться со злом и отторгнуть его. В этом смысле он не является одиноким, покинутым, бессильным.

Источник зла, злых импульсов человеческой души, сердца и разума должен быть подавлен, погашен и познан в глубоком раздумьи...



Человек должен научиться бороться против самого себя, со своим миром мыслей и чувств, внедряющихся в сознание вольно и невольно и требующих глубокого анализа для последующего решения для жизненного пути, тропы.

Человек должен бороться против гнетущих чувств, подавлять их действие и сознавать, как и почему, а не заливать вином до потемнения разумного начала. Наступление душевного мрака — это проверка интеллектуальных сил человека.

Плохие люди склонны кругом видеть только плохое и не замечать хорошее, они склонны видеть кругом только мерзкое, будучи сами мерзкими, и не видеть и не замечать прекрасное — каков свой «аршин», таково и измерение, и они не признают других «аршинов», но только свой, как критерий истины, все измеряющий и все оценивающий.

В жизненных тропах людского общества море ненаказанной наглости.

Говорят о культурной революции, цивилизации, дружбе и братстве («человек человеку друг и брат»), сочувствии, соучастии, просвещении, об эстетике, о роли искусства и музыки, поэзии, живописи, ваянии, о технике, о науке, кино, радио, телевизорах, о чудесах техники... Но время проходит и наступает «ожирение» души и мыслей — праздничное застолье, бутылки, закуски и т. п. «Дружественная» компания проявляет свою... «художественную» самодеятельность. Телевизор выключите, также радио, чтобы не мешать крепкой компании... принести жертвы Вакху и Мамоне. Чудеса техники — телевизор, радио и т. д. — становятся даже (иногда, и часто) ненужными ширмами. Черная магия далеких веков в XX веке превратилась в чудеса техники, но уже во 2-й половине XX века они стали чем-то обычным, а «бутылка» стала идеалом жизни некоторых.

В школах с первого класса нет уроков вежливости, где бы ребенок последовательно и постоянно приучался бы к речевым обращениям и действиям, к поведе-

нию на улицах, в общественных местах и т. д., к режиму времени (ежедневно). Неудивительно поэтому, что в вечерние часы толпы молодежи (рабочие, служащие, учащиеся), идущие по тротуарам улиц, наполняют воздух «изысканной» терминологией, и чем «изысканней» будет эта порнографическая «эстетика», тем одобрительнее и популярнее она утверждается в уличном жаргоне и громких речениях «жизненаполненной» молодежи, которая составляет «цвет» грядущего. К чему же идет этот прогресс и куда это явление приводит большое общество? Каждый день эти «дети» ...могут слушать прекрасные, великие произведения классиков и современных творцов с выражением глубоких эмоциональных идей, раскрывая иной мир человеческой души в век великой техники и автоматики, в век, когда «сказка превращается в быль», где показан огромный напряженный изобретательский ум, родившийся в настойчивом труде тружеников-ученых. И эта порода — самоуверенная, «жизненаполненная», наглая выходит на тропу жизни и «прогресса». К чему же она придет и приведет свое потомство?? И если к этому прибавить всяческие формы хулиганства, жестокую преступность вовне и в семьях, то будущее человечество может превратиться в дикое стадо двуногих, способных на взаимоистребление.

То был век величайшего слабомыслия и словоблудия, век зазнайства и ложной самоуверенности. Это духовное оскудение нищих духом. Как в природе бывает солнечное затмение, так бывает и затмение и бессилие человеческого разума. (Эмпедокл).

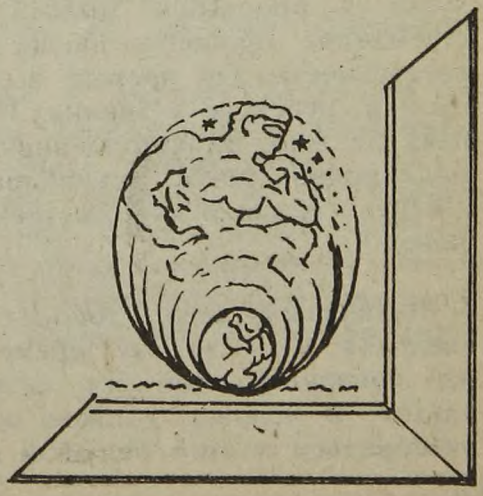
Как тяжело ощущать, что светлый истый мир юных душ начинает уязвляться и зарождающееся уязвление начинает расти, распространяя свои тлетворные корни в эмоциях (сердце) и разуме (разумении), а потом последовательно в тернистых шагах жизненного пути.

Человеческое равнодушие (особенно в острых, трагических моментах жизни) — величайший враг жизни, величайшее зло, а вообще в быту — большое зло.

Аморальность — утащить, затащить, украсть, умолчать, когда нельзя молчать, переложить свои трудовые обязанности под неблаговидными предлогами и т. д.

Существуют ли дорогие, любимые могилы? Да, существуют — для тех, кто имел и берег в своей двойной природе в тернистом пути жизни бриллиантовые искорки чистого сердца, светлой совести и таинственные нити бесконечных звездных далей.

При одной новой десятилетней четырехэтажной школе на расстоянии 300—400 м находилось кладбище. В одно погожее утро группа учащихся (старшие и младшие классы) в короткое время разрушила оградки, кресты, памятники... Общее впечатление — как будто здесь прошли какие-то вандалы с целью все разрушать, ломать и уничтожать. Ничем и никем не был отмечен это факт, т. е. произшло нечто не стоящее внимания. Чем же объяснить такой порыв? — Это результат атеистического воспитания, полное неуважение к местам погребения родных, близких и других. Отсюда можно сделать предложение сваливать в одну общую яму всех умерших, заваливать навозом и глиной, а потом устроить танцплощадку, и это поколение будет прыгать, кружиться, смеяться. А когда им напомнят, они могуть только сказать: «А че? Ну и че?», демонстрируя умственное и моральное убожество...



Корни массового винопития уже глубоки, как и атеизма, преступность подростков и взрослых огромна, мышление даже не стандартное — его нет. Сегодня — труд, завтра — винорадование, тунеядство, жратва. Вино заполняет сознание.

Люди пьют шампанское, коньяк и прочее всегда за себя, но говорят всегда: «Давайте выпьем за Колю, за Маню, за вас, за нас, за праздник» и т. д. и т. д. А фактически пьют для собственного удовольствия, удовлетворения, изображая какую-то жертву, как будто делают кому-то снисхождение: «Чего уж будем пить за себя, лучше выпьем за них, за себя не будем». Но в общем-то все вливается в собственный желудочный мешок, и завершается улыбками. А если вместо вина было бы предложено выпить горькое лекарство... то навряд ли бы стали пить «за», в лучшем случае сказали бы: «Когда-нибудь, но только не сегодня». Всегда пьют только за себя и для себя, но только для маскировки своих желаний пред окружающими предпочитают говорить, что пьют за других, но только эту порцию «за» вливают с удовольствием в собственный желудок.

Когда люди тайно от окружающих спиваются, то они стремятся точно уйти в мир дремы от окружающих — так ли это?

Пьяница не знает, зачем он живет, зачем жизнь, для чего жизнь, почему жизнь. Идеологический дефицит, прострация, нулевая идеология, запутанные куски и оборвыши мыслей, и частое стремление проявить наглость и даже преступность. Он прежде всего не просвещен, невежда в знаниях и в воззрениях на мир, он «утопленник» в океане миллиардов газет, журналов, книг и «неслух» радио и художественной звукозаписи.

Жизненный круг говорит человеку «нельзя» и в то же время по тому же поводу (в той же ситуации) — «льзя», и человек должен обоснованно разобраться в этой большой сложности.

В жизни нередко человек проповедует одно, но сам делает противоположное, иногда он делает себе исключение («один-то раз мне можно») или же делает это даже без контроля над собой, не памятуя своей проповеди.

Часто в письмах, открытках праздничных (с разнообразными вычурными оформлениями) желают большого счастья, великого здоровья, успехов во всех делах, исполнения всех желаний и т. д. и т. д. Но равнозначно ли это «доброжелательство» словесное с действительным добродействием, в котором человек жертвует своими скудными средствами, своим трудовложением, добрым советом, своим недосыпанием и т. д.?

Сколько некрасивого скрывается за красивым лицом (маской).

Какая противоположность, несовместимость чувств — быть на бойне и «созерцать», как нож в сильных руках человека перерезает горло судорожно бьющемуся и ревущему животному, и потом пойти в филармонию слушать «Смерть Озе» или «Элегию» Массне, или «Лунную сонату» Бетховена, или ноктюрн Шопена, или глубоко эмоциональные песни. Совместимы ли подобные полюса в сознании и сердце человека?

Что представляло бы людское общество, если бы отцы и матери только кормили и одевали своих возлюбленных детей? Выросло бы дикое стадо двуногих, которое прошло бы благополучно зоологическую стадию своего развития до юношеского возраста, выросло бы без руля и без ветрил, т. е. без идей, направляющих основы мировоззрения, без идеологического влияния — направленности. Да, это было бы дикое стадо двуногих, способное к самоистреблению, в нем доминировала бы только злая стихия природы. Да и в действительности дети без направляющих идей, не приученные к необходимому труду, в дальнейшей жизни становятся... обузой общества. Вне внушенных и преподанных идей в процессе воспитания останется только зоо-природа, животное начало.

«ПРОЧИТАЛ ВАШ ЖУРНАЛ...»

(Читатели об «Югре»)

«Югру» понемногу узнают в округе и за его границами, в редакцию идут письма с отзывами, предложениями, советами. Сам факт выхода в свет первых номеров единодушно приветствуется.

Вот что пишет, например, учитель-пенсионер из Нижневартовска **П. К. Ситников:** «Издание такого журнала дело и нужное, и очень важное. Главное только состоит, по-моему, в том, чтобы не разменяться на мелочи. Если цель «Югры» просветительская, то надо в ней отвести значительное место тем людям из коренного населения, которые оставили заметный след в истории края, освещать наиболее важные события этой истории (Казымское восстание, первые культбазы, становление национальной школы, роль красных чумов и т. д.).

Кандидат филологических наук **Е. А. Кузакова:** «В такую трудную годину нашей жизни, при огромном дефиците средств и бумаги вам удалось все-таки организовать выпуск первого журнала. Первый номер оформлен неплохо, наполнен интересными материалами, разнообразными по тематике и содержанию. Журнал дает сведения о крае, его людях, о которых действительно мало что известно даже нам, северянам. В памяти всплывают при чтении уже забытые или утраченные нами факты, сведения, детали. Многое и неизвестное для нас мы находим. Так, что, мне думается, вы на верном пути. Главное — не забывать о людях, отдавших свои силы, жизни, добрым делам в Ханты-Мансийском автономном округе. Надеюсь, что последующие выпуски будут еще интереснее. Наверное, найдутся имена ранее известных людей округа и из числа коренного населения. В добрый путь, как говорится!»

Член Союза писателей России **М. К. Анисимкова** считает, что мы выбрали верное направление и «Югре» суждена долгая жизнь. От имени коллег — научных сотрудников ялуторовского музея Памяти Декабристов с началом издания журнала нас поздравляет **Н. В. Зубарев.**

Ученый-биолог **Л. Ф. Семериков** пишет из Екатеринбурга: «С удовольствием прочитал ваш новый журнал «Югра» от корки до корки. Как я понимаю, журнал имеет, по крайней мере, в первом номере, литературно-краеведческую направленность. В дальнейшем, я думаю, журналу не избежать освещения острых проблем природопользования. В этом плане журнал «Экология», который я представляю как главный редактор, готов с вами сотрудничать».

Просьбы регулярно высылать журнал поступили от научных библиотек Тюмени, Екатеринбурга, Новосибирска, Томска.

Редакция благодарит всех, кто проявил интерес к «Югре» отозвался на выпуск первых номеров. Особо хотим высказать благодарность Нижневартовскому комитету охраны природы, фирме «Лэпас» (Березовский район), администрации Ханты-Мансийского и Октябрьского районов — за финансовую поддержку, работникам урайской центральной библиотечной системы, службы бортпроводников Ханты-Мансийского авиапредприятия, окружного центра национальной культуры, окружной библиотеки, Нижневартовского педагогического училища и многих друзей журнала — за содействие в его распространении.

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

М. Зябин, член Совета по специализированным видам транспорта Академии наук СССР,
Ю. Петрачук, журналист.

Если есть на свете страна, где дирижабли могли бы развиваться и получить широкое эффективное применение, то это именно Советский Союз с его метеорологическими условиями, исключительно благоприятными для навигации, и обширнейшей, преимущественно равнинной территорией, где отдаленность одного населенного пункта от другого, особенно на Севере, так затрудняет строительство шоссейных дорог и железнодорожных магистралей.

Умберто Нобиле,
итальянский конструктор
и пилот дирижаблей.

— Марат Константинович, в чем все-таки, главная причина медлительности ведомств, руководителей министерств, главков и предприятий в создании дирижаблестроительной базы в Тюменской области?

— Не спешат тюменские экономисты взять на себя труд подсчитать невосполнимые миллиарды, теряемые сейчас в области ежегодно из-за транспортных неурядиц, на содержание складских перевалочных баз, на строительство временных технологических автодорог и их ремонт силами многочисленных дорожно-строительных управлений, на дедовскую технологию перебазирования громоздкого бурового оборудования, 14 километров передвижки которого обходятся в 130 тысяч рублей, приводящую к тому же к значительному экологическому ущербу; на тяжеловесную организацию строительства старыми методами и на многое другое, что перечислять просто нет смысла. В сравнении с этой пропастью убытков и непроизводительных потерь миллионы рублей, потребных на создание индустриальной базы для производства грузоподъемных воздушных кораблей, обеспечивающих перевозки «от ворот до ворот», окажутся жалкими процентами.

Но на беду мы так порочно воспитаны предыдущими культами и застоями, что нам неимоверно сложно думать сравнительными экономическими категориями, еще трудней думать самостоятельно и уж совсем невмоготу принимать решения.

Новое время открывает нам новые возможности не ждать, а делать это будущее сегодня, сейчас, своими руками, знанием и многотрудным опытом.

Осознав и отторгнув ложный путь противоестественных притязаний к авиастроителям в решении воздухоплавательных проблем, поняв необходимость и един-

---

Окончание. Начало см. «Югра», № 1.

ственную спасительность от застоя самостоятельных действий в развитии аэростатического транспортного средства в регионе и для региона, а в дальнейшем и для соседей на основе развернутого хозрасчета, нам надо мобилизоваться на конкретные действия, исходя из наших потребностей. Игра стоит свеч. Экономисты должны бы подтверждать это своими расчетами. Тут, думаю, кроется не одна тема для кандидатских и докторских диссертаций, активно работающих на общее богатство.

Дирижабль в Тюменской области был нужен еще 20 с лишним лет назад. Но никто не кричал «караул!». Люди дисциплинированно глотали все, что подавали им с ложечки монопольные производители транспортной техники, с помощью которой перекачивались государственные ресурсы из кармана в карман. Нефтегазовому комплексу исправно планировались убытки, деликатно именуемые издержками производства, и все дружно молчали. Все было хорошо до той самой поры, пока всем не стало плохо. Государственный карман опустел, запахло страшным общим дефицитом, который на финансовом языке во всем мире именуется инфляцией. Сейчас резать приходится по живому, отчего уже ощутимо больно.

Так, может быть, хватит ждать и делить общие нужды и обязанности на «мои» и «твои». Может быть, пора понять, что «мое» — это то, что обеспечивает мне минимум затрат при максимуме моих прибылей. Если по старой транспортной технологии, при старом транспортном обозе мои транспортные издержки составляют страшно высокий процент убытков, то, может быть, с позиции хозяина есть смысл вырвать часть традиционно гибнущих средств и вложить их в организацию производства новой техники, которая избавит нас от прямых потерь? Что для этого нужно? Всего лишь хозяйская самостоятельность при хозяйском расчете и решимость сделать первый самостоятельный шаг в сторону здравого смысла.

— Очевидно, что на такой шаг способен не каждый. И дело, наверное, не только в ломке стереотипов мышления, но прежде всего в ломке самой системы?

— Перестройка мышления, на мой взгляд, — это не плавное движение по кривой роста личности, это болезненная ломка самих себя для выхода на совершенно новый уровень. В данном случае нужно осознание той истины, что при прежнем отраслевом разделении труда все мы крупно прогорали. На той самой дорожке мы породили своих монополистов, которые в нашем же отечестве нас беззастенчиво обирали, строя свое ведомственное благополучие на государственной нужде за государственную зарплату. Это — экономический разврат такой высокой пробы, какая даже не снилась самому капиталистическому из капиталистических государств!

Я уже говорил выше, и считаю нужным повторить еще раз: если у кого-то возникают сомнения относительно того, что строительство сложной аэростатической техники — профиль Тюменской области, то полезно вспомнить, что совсем недавно основным профилем в области были дрова. Теперь ее профиль — нефть и газ. Но для обеспечения технико-экономической культуры освоения и добычи на смену варварски-рваческой технологии нужен грузоподъемный и экономически чистый аэростатический транспорт. Он необходим, как логическая составляющая единой комплексной технологии освоения и дальнейшего развития региона с наименьшими затратами, с меньшими силами, с минимальным отрицательным воздействием на экологическую среду, а в целом — для повышения эффективности экономической значимости нефтегазового комплекса в балансе бюджета страны.

Надо начинать. Жизнь не стоит на месте, и перемен, в ней происходящих, нам не избежать. Если убрать перемены — будущее потеряет смысл. Следовательно, задача состоит не в сокрытии перемен, не в их игнорировании, не в ассигновании дополнительных сумм на покрытие неувязок, вызванных переменами, к которым мы не были готовы, а в том, чтобы уметь с наибольшей вероятностью прогнозировать их наступление и в соответствии с этим конструировать соответствующую стратегию в интересах общества. До сих пор у нас

так не делалось, что и послужило причиной глубоких кризисных явлений.

Состоявшееся в октябре 1987 года совещание в Совете Министров СССР по вопросам хозяйствования в Тюменской области назвало в ряду причин создавшегося положения, казалось бы, все, кроме главной: нашей транспортной неподготовленности к освоению и нашей транспортной беспомощности, не ликвидированной и за четверть века обустройства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

На этом высоком совещании не было сказано, что дело не в недисциплинированности работников и не в их недопонимании необходимости порядка, а в отсутствии надежных инструментальных средств обеспечения порядка в болотном бездорожье.

За четверть века освоения на территории в 1,5 миллиона квадратных километров, на которой могли бы разместиться пять Франций, в условиях сплошного бездорожья и болотных топей было завезено огромнейшее количество грузов без предварительного стратегического осмысления задачи последующего вывоза и перераспределения продукции внутри региона и за его пределами. И вместо того, чтобы своевременно (!) исправить положение и помочь Западной Сибири в транспортной развязке, ведомства, ответственные в стране за транспортное машиностроение, продолжали годами упорно, завязав глаза и уши, тянуть свою линию в технической политике, напрочь оторванную от практических запросов строителей, нефтяников, геологов, газовиков.

Можно твердо констатировать, что сегодня не существует транспортного средства, могущего с достаточной эффективностью развязать транспортный узел (иначе сложившуюся ситуацию не назовешь) в Западной Сибири. Все, что нынче производится (болотоходы, вездеходы и т. п.), задачу не решают. **ПОЧЕМУ?** Происходит это потому, что мы, как обреченные, находимся в плену колесно-дорожной доктрины и под гипнозом устоявшихся догм. Мы панически боимся технического риска, не имея возможности свободно и ответственно распоряжаться финансовыми средствами в пределах своих хозяйственных интересов.

Мы продолжаем героически топтать наши болота и губить в них собственные ресурсы. Болотоходы и прочие вездеходы, которыми нам морочили голову, тонут в болотах вместе с их стотысячными стоимостями, потому что трясина — это всегда трясина. Можно, конечно, изнасиловать существующую технику, людей обвешать взысканиями, навести подобие сиюминутного порядка. А потом что? Ведь не специально же по Западной Сибири разбрасывались штабеля дорогостоящих труб, проката, техники, металлолома. Это прямой результат нашей транспортной беспомощности и недальновидности, ответственность за которые взвалили на тюменцев. А кто планировал и направлял транспортную промышленность в эти годы?

Напомню, что еще в 1965 году на первом Всесоюзном совещании по дирижаблестроению в Новосибирске 14 министерств проголосовали за дирижабль! Что сделано за эти годы? Думаете, ничего? Нет, сделано очень многое, чтобы затормозить решение задачи. При Госплане СССР была образована высокая научно-техническая комиссия по проблемам дирижаблестроения, которая с той самой поры упорно доказывала нецелесообразность дирижабля.

Только в апреле 1988 года под давлением инженерной общественности и хозяйственников на очередном совещании по дирижаблестроению в Москве на всю страну было заявлено: дирижабль нужен!

Наконец-то. Но в какие миллиарды оценить нынче это понимание?

Откровенно говоря, минувшее тридцатилетие мы занимались совершенствованием «спихотехники» в решении важнейшей народнохозяйственной задачи. То, что в нашей огромной стране дирижабль нужен, было ясно даже его ярым противникам, ибо рационально хозяйствовать на территории в 22,5 миллиона квадратных километров без развитых коммуникаций — задача авантюрная. Дирижабль — это транспортное спасение для такой страны. Но мы ломали копья там, где самостоятельные люди за рубежом элементарно делали дело.

Как результат этой ломки в недрах Минавиапрома в начале 80-х годов возникло дирижаблестроительное КБ, которое нынче к своему 10-летнему юбилею обещает поднять в воздух опытный маленький дирижаблик. Вся его «опытность» сводится к тому, как не нужно делать новую технику, но Минавиапрому ничего другого и не оставалось, как таким неуклюжим манером отбиться от нарастающего общественного негодования. Ведь именно в его адрес летели обвинения в том, что оно не реагирует на потребности в развитии аэростатического транспорта.

Теперь кое-кто стремится представить деятельность этого КБ как решение большой проблемы. Но если серьезно, то именно деятельности и не видно в жизни этого коллектива. Выдать за 10 лет допотопный дирижаблик — это не деятельность, а слезы и наш государственный стыд.

Информация к размышлению: комиссия при главном инженерном управлении под руководством Н. Е. Жуковского и А. Н. Крылова за такое же 10-летие с 1907 по 1916 год при старых производственных и технологических возможностях сумела осуществить постройку серии малых воздушных кораблей и одного более крупного — «Альбатрос». В тот же период начались проектирование и монтаж дирижабля «Гигант» объемом 20 тысяч кубических метров и «Воздушного крейсера» объемом 32 тысячи м^3. Вот это деятельность!

— Выводы, я думаю, здесь однозначны?

— Да, нам, как и в прошлые времена, остро не достает спокойного и вдумчивого анализа при решении масштабных задач и ответственной самостоятельности. Для пользы общего дела нужно оставить министерство авиапромышленности в покое, дать ему возможность и дальше заниматься своим делом, т. е. авиацией, а не строительством «пароходов». Для дирижаблестроения следует создавать собственную базу, не обремененную ненужным балластом.

Сейчас предстоит сделать выбор: либо продолжать плестись по старой, десятилетиями наезженной колее бюрократических резолюций, хитроумно снимающих ответственность с участников процесса и губящих любое стоящее дело, и продолжать настаивать на осуществлении дирижаблестроения в рамках Минавиапрома, либо решительно изменить стратегию и тактику и выйти непосредственно на желаемый результат, минуя паразитные звенья и ускоряя время путем развязывания рук коллективам, имеющим достаточный теоретический потенциал в развитии нового направления. У нас открывается превосходная возможность положить здоровое начало построению нового промышленного производства без «департаментов» на основе свободного соревнования производителей. Если хотите — конкуренции.

— Время — деньги, — любил говаривать один из первых американских президентов. Время не терпит отлагательств и в затянувшейся проблеме отечественного дирижаблестроения...

— Да, и еще раз да. На основании изложенного можно утверждать, что если заинтересованные ведомства не хотят провалить и на этот раз возрождение дирижаблестроения, то не должны терять драгоценного ресурса времени. Новое дирижаблестроительное производство следует закладывать в том регионе, который в наибольшей степени нуждается в прогрессивной транспортной технологии, т. е. в расположении Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Тем самым оно будет находиться в непосредственной близости от заказчиков, что во много раз сократит согласовательскую волокиту. Во-вторых, под заинтересованной защитой нефтегазовых отраслей, а такая защита на первых порах потребуется. В-третьих, работы будут производиться в тех климатических условиях, для которых, в основном, и разрабатывается техника. В-четвертых, заказчик будет иметь непосредственное влияние на исполнение заказа в нужные сроки и с необходимым качеством. И что не менее важно, работа на средства заказчика ликвидирует монополизм и произвол в технической политике производителей, навязывание потребителю негодных машин и механизмов.

— Вы говорите об акционерном обществе?

— Да, речь идет именно о производстве на акционерных началах, т. е.

на той форме общественного капитала, вполне социалистической по содержанию, о которой мы напрочь забыли в догматическом угаре сталинщины, лишившей наше общество экономической маневренности и предприимчивости.

Не ждать высочайших разрешений на производство того-то и того-то, не завязывать до закритических пределов тугой узел транспортных неразрешимостей, не множить социальную нищету в нефтегазовом регионе, обреченно разбазаривая миллионы на покрытие транспортной бестолковщины, а, проявив однажды самостоятельность и хозяйское понимание ситуации, обозлившись в конце концов на свое положение, нагнетаемое десятилетиями, решительно вырвать из расточительного конвейера бездарно гибнущие миллионы и прорваться на современный уровень прогрессивного решения проблемы, чтобы завтра спасти миллиарды — это вполне реальная задача, если мы не временщики и не рвачи сиюминутного успеха.

Я полагаю, что возглавить такую работу должны советские органы, ибо работа эта в настоящий момент не только и не столько экономическая, сколько политическая. И что бы там ни говорилось «новаторами» от хозяйственной политики о разделении функций, но задача ликвидации хронической нищеты советских людей — задача все-таки политическая и решать ее нужно и политическими, и экономическими методами.

К большому сожалению, хозяйственник у нас воспитан именно как временщик сиюминутного исполнения. Он не стратег не потому, что не способен, а потому, что приучен исключительно к послушанию «верхам» и достижению задачи давлением на «низы». Во всем диапазоне от министра до мастера наши производственные отношения традиционно исключали самостоятельность, трактуя ее как «партизанщину» и недисциплинированность, строго дозируя ее «от сих и до сих», чему категорически противится сущность всякого нормального человека. И не этим ли мы способствовали в немалой степени процессам дестабилизации экономики, разрушая личность, породив одновременно неслыханного размаха государственное разгильдяйство, и спровоцировали рост ведомственного монополизма, как защитительной меры против тотального и разлагающего давления сверху. В итоге проиграли все.

Дирижаблестроение в стране поставлено в повестку дня с апреля 1988 года. Более трех лет ушло на переговоры с тюменскими главками о выделении средств. Столько же «Тюменская правда» убеждала и разъясняла, но дело до сих пор двигается медленно. Страшная беда для народа, когда у руля его благополучия оказываются люди, низведенные номенклатурной системой до унизительного уровня «школьников» с психологией примерных послушников. И это беда не только экономическая, но, в первую очередь, политическая, ибо она непосредственно сказывается на благосостоянии трудящихся.

— Марат Константинович, на финише нашего длинного разговора, хотелось бы, чтобы вы подвели некоторые итоги и рассказали о практической стороне дела.

— На сегодня «узкие места» в Западной Сибири — это:

1) добыча нефти и газа, 2) жилищное строительство, 3) продовольственное снабжение, 4) транспортное обеспечение, 5) экология.

Причем, транспорт нужен всем, а стало быть, его дешевизна, экологичность — это эффективность при решении всех других задач. Транспорт — это скорость включения промышленной продукции в оборот. Эффективный транспорт в регионе — это колоссальный резерв подъема экономики Западной Сибири. Аэростатический транспорт, в дополнение ко всему — это новейшие технологии в строительстве, в социальном обслуживании трудящихся, в восстановлении экологической чистоты края. То есть, проблема транспорта сегодня — это и есть то самое стратегическое направление, от развития которого зависит многое в экономике Западной Сибири и страны в целом. Значит именно сюда и должно быть направлено внимание советских и партийных органов. Значит, на решении этой проблемы и должны сосредоточить свои усилия

руководители ведомств, размещенных в области и в отдельных ее районах.

— *В каком состоянии находятся дела с тюменским проектом дирижабля?*

— Для краткости я сформулирую прямо по пунктам. Во-первых, сформировано мнение руководства ЗапСибМВТК (межведомственная комиссия Госплана СССР по Тюменской области) о целесообразности осуществления проекта дирижабля в Западной Сибири путем организации акционерного производства на совокупный капитал предприятий нефтегазового комплекса и других заинтересованных ведомств.

Во-вторых, по мнению большинства участников Всесоюзной конференции в Тюмени 10 марта прошлого года по проблемам применения дирижаблей в Западной Сибири, признано наиболее целесообразным разместить головное предприятие по проектированию, производству и ремонтному обслуживанию аэростатических средств в городе Урае Тюменской области.

Осуществление проекта разбито на несколько этапов. Первый этап — изготовление чертежей продувочной модели в масштабе 1:100, изготовление самой модели и проведение аэродинамических продувок, что уже осуществлено. Второй этап — строительство пилотируемого аналога натурного объекта в масштабе 1:10 грузоподъемностью 1000 кг на базе Тюменского авиаремонтного завода, изготовление силовой установки на Тюменском моторном заводе (протокол совещания в ЗапСибМВТК от 28 апреля 1988 года).

Третий этап — строительство опытного экземпляра натурного объекта. Два первых этапа рассчитаны на два года. Летные испытания дирижабля и сдача его заказчикам — в 1992 году.

В Тюмени организован научно-производственный кооператив «Экотранс» при Уральском научном центре АН СССР с целью практического осуществления проекта под руководством кандидата технических наук А. И. Филимонова. «Экотранс» заключил договор на финансирование с одним из производственных объединений Главтюменьнефтегаза на сумму 60 тысяч рублей на 1988 год и по 300 тысяч рублей на последующие четыре года.

Сформирована урайская группа разработчиков и получено техническое задание на разработку и изготовление наземного испытательного комплекса. Кроме того, решением оргкомитета «Аэростройтранс» на нашу группу возложена задача разработки сетевого графика на строительство производственной базы в Урае. Его предлагается осуществить по принципиально новой технологии, разработанной в Свердловском архитектурном институте и Уральском научном центре АН СССР, исключающей использование традиционных железобетонных элементов конструкции.

Итак, практические работы идут полным ходом, сорвать их темп невозможно — этого нам не простят ни современники, ни потомки.

— *Благодарю Вас, Марат Константинович. Думаю, что читатели, широкая общественность проявят интерес к дирижаблю и к пионерам его возрождения.*

— Этому мы будем несказанно рады. До встречи на борту дирижабля «Тюменский»!

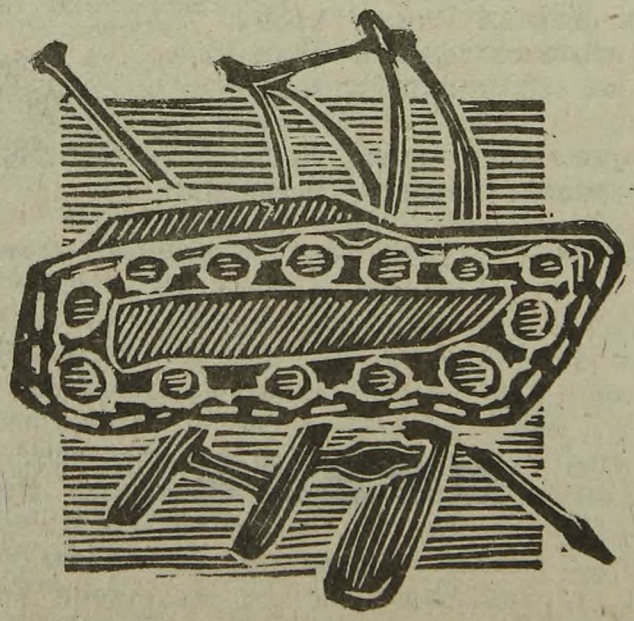
ЛОВИСЬ, РЫБКА...

Из промыслов поздней осени — начала зимы многим известен подледный лов язя. О том, что он собой представляет, рассказывает сургутянин ВАСИЛИЙ МАТВЕЕВИЧ РЫТКИН, последние 20 лет ежегодно отправляющийся на этот промысел. Рассказчик он интересный — наблюдательный, с живой памятью и чувством юмора, и мы постарались сохранить в тексте интонации его повествования.

Когда пошел на пенсию, то решил посвятить себя рыбалке, не требующей сложных орудий лова. Крючки — вещь простая, но и те было трудно достать. Штук 50 мне пожертвовал один знакомый, хорошие крючки.

Ловил не так далеко от города, у противоположной стороны Северного острова, это километров пять от дому будет. Вот я пешком все туда и хожу. Место, конечно, надо подбирать. Язь любит течение, надо, чтобы крючок с наживкой «играл» в воде.

Долгое время мы леску вязали на тычки (таловые шесты. — Ред.) Выдолбишь пешней лунку сантиметров 30 в диаметре (льдобур не годится, у него лунки получаются шириной всего сантиметров десять), привязываешь примерно в метр длиной леску и к ней — коленце в 50-70 сантиметров, один крючок подальше, другой поближе. В общей сложности леска получается около полуторых метров. Течение быстрое — зна-



чит ее можно пониже привязать, если слабое — повыше. Но слишком высоко не нужно, язь же рыба донная.

Опускаешь тычку комлевой частью кверху, а леска к вершинке привязывается. Выбирать тычку надо потоньше. Она вроде удилища, но к удилищу леску на самый конец привязываешь, а тут — сантиметрах в пятидесяти от тонкого конца и ставишь с небольшим наклоном против течения, чтобы ее течением не «выкачало» и она не всплыла. Сначала опускаешь в воду леску с наживкой, а потом — постепенно, чтобы леска не закрутилась — тычку. Ее предварительно надо хорошо обработать, чтобы не оставалось на ней сучьев. Если тычка так, маломальская, с сучьями, за нее леска цепляется, накручивается, — потом вытащишь рыбу и распутывайся. А может и оборваться.

Просматриваем мы ежедневно, утром. Ночь простоит — утром просматриваем, снова наживляем и можем, допустим, там побыть в течение дня. Когда интенсивный лов, то даже и днем хорошо ловится. Кроме язя, изредка попадает налим, он ведь тоже — рыба донная. Налимы большие (я самого крупного добывал — около четырех килограммов), налимы маленькие — мы называем их «веретешки», иронически так, оскорбительно для них. А он заглатывает страшенно, аж в пищевод. Ну, и каждому «операцию» делаешь. Бывает другой раз, смотришь— червя нет и рыбы нет. Вот причину ищешь. Ну, это, наверное, вот эти «веретешки» обсосали. Мелочь — она обсасывает.

Значит, ночь простоит — утром приходишь, выдалбливаешь эту тычку и поднимаешь: есть кто-то! — приятно. Вытаскиваешь — там «лапоть» килограмма на полтора. И на два, и на два с половиной — всяко попадает. Вытаскиваешь на лед, снимаешь рыбку, очищаешь крючок, наживляешь снова.

Околотишь эту тычку (намерзает же) и опять в воду. И вся работа, весь секрет.

Вот в первые годы когда я рыбачил, особенно в середине семидесятых годов, приедем, начинаем долбить — есть! В каждой, иногда на каждом крючке по рыбке. Мы на 12 палок по 28 штук и даже по 30 приносили. А почему так? («Мюнхаузен!»). Мы когда вот доходим до последней тычки, на первой уже пошевеливает. Сын говорит: «Папа, там, наверное, есть». Есть! Другой раз даже по два. В одном рюкзаке невозможно тащить. В общем, рыбой себя обеспечивали на зимний период. Я бывало, и вяленую готовил.

Потом нашлись охотники поживиться за счет чужого труда. Приходим на рыбалку утром — батюшки, что такое? Тычки ставили аккуратненько, рядочком так, а стоят как попало, некоторые на льду лежат. Ну, братцы... Подходишь — крючки оборваны. Торопился, видать. И вот приходится выдумывать противоядие...

Ну, простой способ. Как говорится, и затрат немного, и удовольствие. Вот особенно если угадаешь на косу — там течение свальное, хорошо «играет» крючок с червячком — есть надежда, что добудешь хорошо, А если угадал за косу, в «закосок», по-нашему, там можешь ловить пескарей, налимишков.

Какая насадка? Наживляют и мотыля, и всяко, но преимущественно сургутяне ловят на дождевого червя. Если стоит у тебя 15-20 тычек, то есть где-то сорок крючков — значит надо на них сорок червей. Если десять дней прорыбачить, значит 400. А мы — почти весь ноябрь, числа с девятого -двенадцатого, и декабрь.

А бывают годы — и в январе ловится хорошо. А в теплую погоду (загара-то, заморного-то периода, нет) до февраля даже. Вот Иван Григорьевич Кайдалов одно время... у меня уже червей не стало, а он весь январь проловил. Поэтому запасают его.

Один рассказывал: я весной огород копал, червей много — и накопал, наверное, больше тыщи. Больше тыщи! А вот сейчас, говорит, нет их на огороде. Ну, а я, когда дачу дали, червей из своего огорода увез туда и там вы-

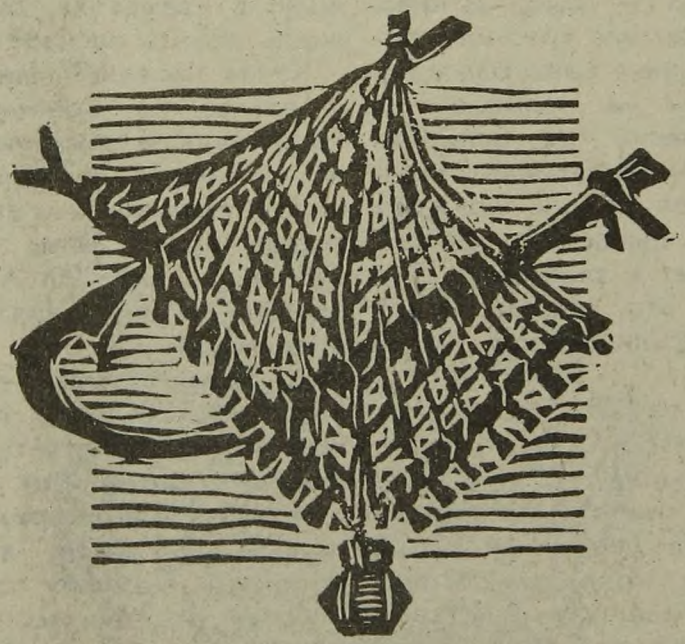
пустил четыре сотни с лишним. Проследил, как они там. В течение полчаса их не стало, ушли в землю. Я полагал, что они там расплодятся и урожай осенью будет хороший. Пять штук накопал только! Ни в картофеле, ни в огуречной грядке, нигде не оказалось. Куда-то ушли.

Рано их не надо заготовлять, потому что их надо все время кормить и землю тоже надо менять. Они как ее секут! Как муку, сделают. И когда даешь им влагу, поливаешь водичкой, они поднимаются на поверхность. Стоит сухое лето —нет и все, дождик пройдет—появятся. Он и называется — дождевой червь. Подкармливаешь. Выварки чая — это они любят. Вот в кучку положишь — посмотри наутро: все, уже нет. Они действуют. Проростишь овес и в землю, у него быстро развивается корневая система — вот это для них питательная среда. Они, как говорится, жиреют, такие хорошие, сытые. И когда они энергичные, тогда лучше, конечно, чем вялые...

Я больше ничем не кормил, вот только эти отжимки чая и овес. Ну, а корневую систему... Вырвешь куст крапивы — и на дно ящика, потом пересыпаешь землей, потом опять слой — вот так. Корни крапивы.

Вот такой способ простейший. Главное — без особых затрат. Если сорвут два-три крючка — это не ущербно. А если сеть поставить — сеть снимут (а это часто) — опять же думай: а где ее достать? Ведь это проблема. Ни ниток, ни сетей, не достанешь так просто. Все сложно. Ну, а способ постановки этого простейшего орудия мы изменили, теперь иначе стали делать.

Уважаемые читатели! Если Вас заинтересовали рассказы старожилов о трудовых традициях коренных северян, различных промыслах и других занятиях годичного трудового цикла и вам есть что добавить в копилку народного опыта, пишите нам. Редакция будет охотно публиковать подобные материалы.



ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ КРАЯ

ВОГУЛЬСКАЯ ШКОЛА

К. Носилов

Я путешествовал в стране вогулов, настоящих дикарей, которые вот уже более трехсот лет никак не хотят, по-видимому, поддаться влиянию русских, перенять их жизнь, и упорно отстаивают в своих лесах свою самобытность.

Я давно знаю этих дикарей, и они всегда меня поражали своей замкнутой оригинальной жизнью. Старинный лук вместо ружья, вечная охота на зверя и рыбная ловля, скитанье по лесам и водам, жизнь привольного охотника и все та же бревенчатая, маленькая юрточка вместо нашей крестьянской избы. А между тем, недалеко, всего верстах ста, в русских селах, даже среди их деревушек протекает с ее обычаями и обстановкой русская жизнь, которая, кажется, могла бы научить их лучшему, чем жизнь вечно бродячего человека.

Вот уже двадцать лет, как я их наблюдаю, а незаметно, чтобы этот народ перенимал русскую жизнь. Но школа привилась к ним быстро и крепко.

Школу, с которой я хочу познакомить читателей, я встретил в их маленьком селе Нахрачах (ныне п. Кондинское).

Нахрачи — центр вогульской жизни, главное село на их реке Конде, по которой они живут исстари, под северным Уралом.

И что это за центр, что за село!

Всего десятка с полтора маленьких юрточек с несколькими русскими домами, где живет священник и русский торгаш и где помещаются волость и станция для приезжающих чиновников и начальства. Посреди их бедный, деревянный, еще новый храм с маленькой, невысокой колоколенкой. Кругом лес, лес и лес, громадный, почти нетронутый сосновый лес, из-за которого только уже при самом въезде в село вы и замечаете, к вашему удивлению, храм и постройки, словно чудом каким очутившиеся среди этого дремучего бора.

Первое здание, которое попадается при въезде в село, и есть школа.

Вы напрасно стали бы искать вывески, ее нет, и она не нужна, потому что все в селе знают, где находится училище. Дороже вывески — тропинка, пробитая с улочки в школу.

Эта школа меня удивила, когда я приехал теперь в село. Раньше ее не было и в помине. И вдруг школа, школа у вогул, и даже на вид настоящая, с веселенькими окнами, с торной тропой в сугробах, с веселым крылечком у ворот.

Разумеется, я первым долгом, как только обогрелся с дороги, пошел в эту школу.

Носилов Константин Дмитриевич (1858—1923). Писатель и путешественник. Родился в с. Маслянском близ г. Кургана в семье священника. Учился в Далматовском монастыре и Пермской духовной семинарии. Проводил исследования по геологии, гидрографии, метеорологии, этнографии, растениеводству на Северном Урале, Новой Земле, полуострове Ямал, в верховьях реки Конды. Автор около 30 книг и ряда публикаций в газетах, журналах и сборниках.

*
* * *

Когда я вошел туда, там как раз шли занятия. Небольшая классная комнатка приятно поразила меня своей чистотою, в углу висела большая икона, между окнами на передней стенке — новый портрет Государя, сбоку часы и стоял шкаф, а против маленького столика для учительницы, посреди комнаты, стояли совсем новые черные парты.

Нас встретила молодая девушка-учительница, и дети по ее знаку тотчас же привстали с мест, отвечая учтиво на мой поклон. Ни робости, ни застенчивости. Видно было, что школа привыкла к посетителям. Мы вглядываемся в детей и замечаем две народности. Одна из них, очевидно, дети русских: в серень-ких пиджачках, пимиках, в ситцевых рубашках, девушки в белых фартучках и коротеньких платьицах, как всюду. Другие, видимо, местные: холщевые рубашки и более скромный костюм, черные жесткие волосы и выдающиеся скулы, приплюснутый нос и смуглое круглое лицо, выражение более равнодушное, спокойное, тогда как дети русских, с их белыми розовенькими личиками и курчавыми волосами, видимо, бойки, любопытны и отзывчивы.

Я заглянул в тетради учеников, так как был урок правописания, оказалось, что все дети довольно правильно копируют, следя, как учительница пишет слово «Бог» на черной доске перед ними. Одна девочка-вогулка с черными глазами и маленькой косичкою пишет лучше прочих.

После урока мы разговорились с учительницей. Она оказалась из г. Березова, только что кончила гимназию в Тобольске и охотно поехала в эту тайгу. Она здесь совершенно одна, если не считать девушки-вогулки, которая живет у нее прислугою. Здесь немного скучно, так как почта получается только два раза в месяц, но она так занята своими детьми, что не замечает времени, тем более, что этот маленький народ уже полюбил ее, слушается беспрекословно, хорошо учится и охотно проводит с ней все время и после уроков.

Много было хлопот с маленькими дикарями: они не только не умели сказать слова по-русски, но даже не умели сидеть на стульях, и ей пришлось на первых порах учить их этому. Русскому языку, благодаря способности вогулов, она научила их довольно скоро, запретив говорить в школе по-вогульски, но выучить их сидеть на стульях, как это ни странно, довольно долго ей не удавалось, потому что дети вогул привыкли сидеть по-татарски, на корточках, и постоянно валились со стульев на пол. Тогда она стала привязать их ноги к ножкам табуреток, и теперь они сидят, уже не падая с табуреток.

Детей вогулов сначала очень смущали часы: им все казалось, что там сидит кто-то, и только после того, как им показали механизм и объяснили, что тут нет ничего сверхъестественного, они, видимо, успокоились и не стали вздрагивать и пугаться громкого боя.

Потом немало было хлопот с тем, чтобы объяснить взрослым вогулам, для чего и для кого устраивается эта школа; простодушные дикари думали, что тут можно учиться и взрослым, и даже приводили, когда им понравилась школа и польза ее стала понятна, учеников, которым было лет за двадцать... И нужно было долго им объяснять, что таких взрослых учить вместе с маленькими неудобно, что это вообще не принято. Дикари же хотели настоять на том, чтобы в их школе учили и таких, у которых пробивались уже усы, и выставляли довольно основательно на вид то, что, уча маленьких, нельзя оставлять неученых больших.

После второго урока — чтения меня пригласили в комнату учительницы. Одно окошечко упирается в высокий белый сугроб; вдали видны вершины леса; в переднем углу образок, под ним узенькая кроватка под одеяльцем,

с парой белых подушечек и с вышивками, напротив — печь, на столе — две какие-то книжечки, и в углу в шкафу классная библиотека, стоящая всего 16 рублей. Убого, бедно, но чисто, и хозяйка этой комнатки не нахвалится на исправность смуглянки-вогулки, которая имеет один только недостаток, что ни слова не знает по-русски.

Это единственная компаньонка учительницы, которая никуда не выходит, и единственное развлечение этих девушек — беганье на лыжах.

Нам интересно было узнать, кого учительница считает способнее — русских или вогулов.

Ее надежды на стороне вогулов, потому что они, не зная в начале учения ни слова по-русски, всего в четыре месяца сравнялись по успехам с русскими, а один мальчик—вогул даже лучше всех учится.

Хорошие результаты дает и пение: оказывается, что вогулы большие певуны по природе; не имея песен, они в импровизациях воспевают свою угрюмую, но милую им природу, а теперь охотно поют с учительницей молитвы и песенки и с удовольствием ходят в местную церковь петь на клиросе, приводя в восхищение своих матерей и отцов.

Были уже сумерки, когда я покинул вогульскую школу, первую школу на реке Конде. Декабрьский день короток, и занятия кончаются при огне. Когда я, сойдя с крыльца среди толпы учеников-вогулов, направился по тропе к юртам, мне казалось, что стало светлее в этом лесу и отраднее в этой глухой трущобе.

(Журнал «Родник» за 1900 г.)

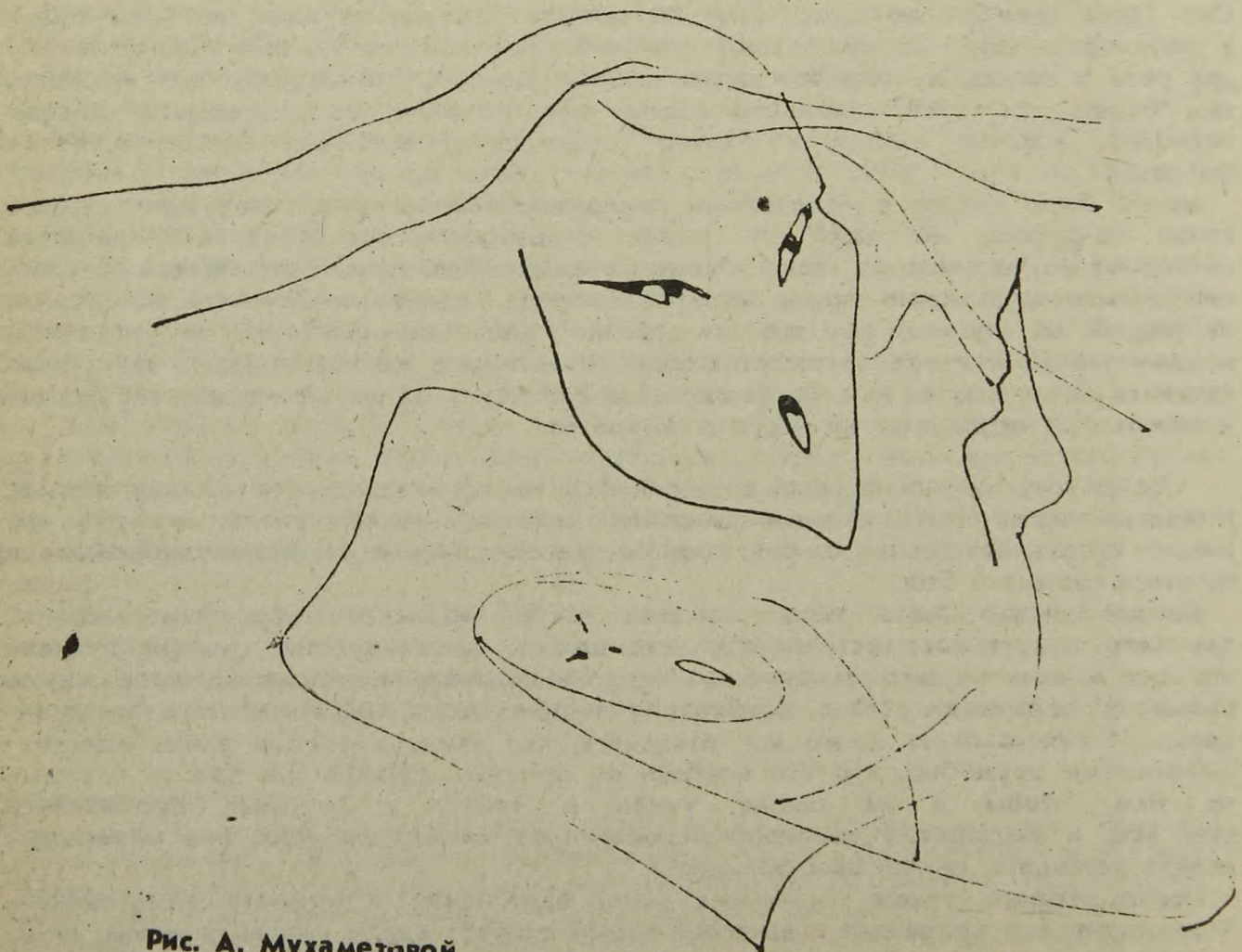


Рис. А. Мухаметовой

ЕВРА

Е. Кузакова

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие.

А. С. Пушкин.

Деревня Евра — Ивыр пывыль по-мансийски. Деревня уже давно бывшая. Мой мансийский край, моя малая родина. С любовью и нежностью о ней вспоминает моя землячка, сказательница Анна Митрофановна Конькова (урожденная Картина) в книге, написанной в соавторстве с Г. К. Сазоновым, «...И лун медлительных поток...»: «В глухоте кондинских урманов, в краю сотен опереннных лебедями озер затерялось крохотное, из сорока дворов, мансийское селение Евра. Никто не помнит, когда появились и расселились здесь манси — рыбаки и охотники. Из древних преданий дальним громом донеслось, что сюда, в дремучесть Кондинской земли, небольшое гордое племя привел вожак, богатырь Ивыр».

Река Конда в своих верховьях принимает воды небольшой, но стремительной речушки Евры, протянувшейся примерно на 200 километров. Прежде чем влиться в Конду, Евра «...протягивает себя, как иголка нитку, через пять-шесть озер», образуя Сатыгинский, Ягодинский и Леушинский туманы. Вот здесь в верховьях, и была деревня Евра.

История свидетельствует об активной миграции манси в направлении с запада на восток, и с юга на север.

В период их миграции происходил процесс «вогулизации» соседних народов. Так в XУ111—X1X веках манси появились в Ляпинской, Сосьвинской, Казымской и в некоторых других волостях Березовского уезда, где до их прихода жили ясачные ханты. Пришлыми были и кондинские манси, до них здесь также жили ханты.

Тесные контакты с русскими и татарами, христианизация и другие факторы издавна вели кондинских манси к утрате своего родного языка. Шел процесс их обрусения. Особенно ярко это было выражено у манси, живших по рекам Конде, Тавде, Туре, Пелыму и другим, протекавшим по территории, которая в XУ111—X1X вв. относилась к Туринскому уезду.

В нашей деревне, находившейся в верховьях р. Конды, жили преимущественно манси по фамилиям Картины, Молотковы, Чейметовы, Лозьвины, Кентины, Конзыновы, Албучевы, Софроновы, из русских — Кузнецовы, Чернавские, Смернягины, Фирсовы. Но уже в 20-е годы некоторые семьи по национальному составу были смешанными. Мужчина манси нередко женился на русской женщине из соседней Свердловской области. Наши манси эту территорию называли «русское место». Помню, как через нашу деревню зимой шли целые обозы с рыбой в «русское место», чтобы там ее продать. Расстояние от Евры до населенных пунктов Свердловской области зимником очень небольшое (50 км), что позволяло широко общаться друг с другом.

Вот и наша мама — Мария Тимофеевна Дворникова — была родом из д. Пашня Гаринского района Свердловской области. В Евре она батрачила у кулака И. И. Кузнецова и здесь вышла замуж за манси Александра Ивановича Чейметова. Но и он, как свидетельствует родословное древо, был уже метисом: от матери манси и от отца русского.

Мы, их дети, стали уже двойными мети-

сами. Никто из нас не знал родного мансийского языка. Только в процессе обучения в Ханты-Мансийском педучилище, затем в Ленинградском университете, в аспирантуре я овладела северным диалектом, принятым за основу литературного мансийского языка и значительно отличающимся от верхнекондинского и юкондинского (восточного) диалектов. Потом познала восточный диалект, носители которого жили по р. Юконде — притоку р. Конды в нижнем ее течении, и защитила кандидатскую диссертацию по данному диалекту.

Наш папа знал мансийский язык и со своими земляками говорил по-мансийски как на работе, так и в быту (в 30-х годах он был первым председателем колхоза «Молодой активист» в д. Евра), однако в присутствии своих детей говорил по-русски. Когда мы спрашивали его, почему он нас не учит родному языку, он отвечал: «Зачем вам ломать свой язык».

Помню, в нашей деревне, где все население было крещеным, долго бытовали три шайтанских амбара на высоких ножках, а рядом с ними стояла шайтанская лиственница. Манси поклонялись им и приносили дань, верили в привидения и различные колдовства.

В этом отношении очень показательным является упоминание о древних мансийских капищах, расположенных в былые времена неподалеку от Евры, в указанной выше книге: «...В истоках Конды изначала веков обитает Старик — в обличии медного идола —покровитель Кондинского края, неусыпный хранитель всех зверей и птиц...». «...Близ Шаима почитается Лопанзюк — Человек-Лягушка, он же покровитель рыб. В Песярах Павыл на высоком берегу поднимается Сан-Пупий — Птичий Шайтан, сотворенный из семи разноперых уток...». И далее: «...Много капищ запрятано в верховьях Конды, и хранителем самого древнего капища Канталья был Максим Картин» (житель д. Евры. — Е. К.). «...А сюда, в Канталью, стекались манси от деревни Емас-Павыл до истоков Конды. Вот почему в древние времена Евру так охраняли от татарских набегов. Когда сибирские татары дошли до Леушей (по-мансийски Лувс — Лошадиный город), воины манси небольшими отрядами, тайными тропами, непроходимыми урманами стянулись к Евре и на реке подняли семь высоких неприступных завалов, опрокинув наземь живые деревья. Они так и назывались — Первый лом, Второй лом, Седьмой. Корни, ветви, стволы деревьев переплелись так туго, как проросли насквозь молодым березняком, что ни один зверь — ни медведь, ни волк — не мог преодолеть лом-засеку. Уже на памяти Максима (Картина. — Е. К.) князец Сатыга сгонял людей, чтобы расчистить эти завалы». Таковы мансийские сказания и предания, такова и действительность.

Старики манси говорили: «...Манси (кондинские. — Е. К.) пришли с полуденной стороны, из просторных мест, где зеленым пожаром полыхали травы. Манси шли оттуда и впереди себя гнали табуны коней, гнали стада коров и овец. А в повозках везли зерно — ячмень, овес, рожь. Тогда дети сосали кобылиц, а мужчины хмелели от молочной винки» (там же).

Да, конь у евринцев, как, вероятно, и у всех кондинских манси, в отличие от северных, был издавна. В жизни евринских манси он был главной силой в хозяйстве. Не случайно в языке кондинских манси имеется специальная сельскохозяйственная терминология: по коневодству, землепашеству и огородничеству, тогда как у северных манси ничего этого нет, у них оленеводство.

Старики манси рассказывают, что в Евре у Лозьвина Сидора (конец XIX в.) были очень высокие и быстробегающие коровы с ведерным удоем молока. А лошади в Евре были сильные, выносливые и назывались они «лошади нашей земли».

В годы ведения натурального хозяйства, до образования колхоза в Евре, манси имели лошадей, коров, свиней, овец,

разрабатывали пашни путем раскорчевки земель, удобряли их навозом и золой, возделывали на них рожь, ячмень, овес, лен, коноплю, гречиху, не говоря уже об огородных овощах и картофеле. Сами манси обрабатывали лен и коноплю, ткали холст, шили из него шабуры (зимой они надевались сверх зимней теплой одежды, а летом носились как современные плащи), мужские штаны. Из тонкого холста шили нижнее белье и даже нарядные платья. Помню, как я пошла в школу в платье из холста.

Кондинские манси сохраняли свои традиции: ежегодно на реке ставили летний запор для ловли рыбы, делали на реке арпы[1], сушили урак[2] в шохрупах[3], досушивая его в русской печи, топили рыбий жир, делили добычу между всеми жителями, пользовались в быту берестяными чуманами[4], туесками, пайбами[5], носили черки и бродни из сыромятной кожи. Из гречихи делали крупу. В обязательном порядке соблюдали сроки охоты, рыбодобычи, сбора ягод и орехов, собирали лекарственные травы, сосновые побеги (крупянки), скоблили сосновый сок. Для охотников впрок заготавливали вяленое мясо.

С организацией колхоза «Молодой активист» (30-е г.г.) все манси стали колхозниками. Они занимались хлебопашеством, выращивали картофель, морковь, турнепс, репу, горох, имели фермы колхозных лошадей и коров, охотились на пушного зверя, добывали лосей. Был у колхоза план и по рыбодобыче. Если можно так сказать, колхоз развивался комплексно.

Земля и река кормили и поили моих земляков не одно поколение. Река и озеро давали рыбу и рыбий жир, клей из чешуи. Из кожи щуки и налима шили мужские штаны. Не случайно все мансийские селения располагались обязательно у реки.

В аннотации к вышеуказанной книге А. М. Коньковой и Г. К. Сазонова написано: «Патриархальным, застывшим в неизменности кажется весь уклад бытия людей Евры, научившихся жить в мудрой гармонии с суровой северной природой, неотделимой частью которой они себя ощущают. Но и в этом замкнутом мире, куда доносятся лишь отголоски бурь большого мира, незаметно, исподволь идет социальное расслоение, меняются человеческие отношения, и внуки уже не могут и не хотят жить так, как жили их деды».

Да. Это так. Эта маленькая мансийская деревушка Евра дала Родине интересных людей. На территории бывшей деревни Сатыги, где находился сельский Совет, в братской могиле покоится прах манси из Евры Конзынова Захара Митрофановича, расстрелянного белогвардейцами в годы гражданской войны в с. Леуши. Земляки выкрали его труп, привезли в Сатыгу и здесь захоронили.

52 манси из Евры защищали Родину в годы Великой Отечественной войны. Больше половины из них погибли. Только в нашей семье не стало отца, брата, зятя.

Пантелей Чейметов (псевдоним П. Еврин) — зачинатель мансийской советской литературы. Он окончил Институт народов Севера, снимался в кинофильме «Семеро смелых», участвовал в финской и Отечественной войнах. Его рассказ «Ворыяп хумый» («Два охотника») впервые был напечатан на кондинском диалекте языка манси и на русском в 1940 году.

Манси Анна Митрофановна Конькова — замечательная сказательница, имеет фольклорные публикации, очень уважаемый и почитаемый в Ханты-Мансийске человек.

Евра дала двух кандидатов филологических наук — Картину Александру Игнатьевну и автора этих строк, трех фельдшеров-акушеров, одиннадцать учителей начальных и старших классов, среди которых троим присвоено звание «Отличник народного просвещения РСФСР».

Но вот в 50—60-х годах появилось новое направление в развитии населенных пунктов — укрупнение колхозов. Не стало моей деревеньки, исчезла она

с карты Кондинского района. Вместе с ней не стало и многих других: Левдым, Карым, Лева, Красный Яр, Сатыга, Рахтынья, Ермак, Силава, Вар-Бор, Тап, Кучук, Елушкино, Богданы, Чеснок, Варпавла, Зимняя Пушта, Морковка, Турсунка, Учинья, Шемлино и др. Насколько нам известно, в них в основном жили манси и ханты.

После Отечественной войны колхоз в Евре влился в колхоз в селе Сатыга, носивший название «Первое мая», который впоследствии был объединен с совхозом. Тогда манси были вывезены из Евры, а дома остались брошенными: перевозить в Сатыгу далеко (30 км), продать некому. Какой-то охотник, охотясь осенью на ондатру, разжег за рекой костер, чтобы отогреться. Ветер перебросил искры от кедрача через реку на постройки и вся деревня сгорела. Чудом сохранились один домишко, теперь уже вросший в землю, здание школы (перевезли в совхоз) и обгоревшая шайтанская лиственница, та самая, которой поклонялись наши манси. Очень немногое осталось и от Сатыги: здание школы и два домика.

Спрашивается: где же люди из этих деревень? Старики умерли, пожилые манси разбрелись по разным селам и деревням, где можно было войти в пустой дом или купить его за бесценок. Молодежь разъехалась по новостройкам.

«Села, что люди, умирают по-разному, но одинаково печально». Действительно так. Было горько смотреть на пустырь с обгоревшим комлем шайтанской лиственницы, где когда-то стояли 40 домов. Кстати, деревня наша состояла из хозяйств с хорошими постройками. Было много так называемых пятистенных домов с четырехскатными крышами, хорошими амбарами, скотными дворами, навесами для сена и дров, банями по-белому и большими предбанниками, где обрабатывали лен и коноплю. В зимнее время вся ограда покрывалась сеном, чтобы обозы с рыбой не засыпались снегом. Были и двухэтажные дома. И все это унес огонь.

Кто и как определял перспективность национальных сел? По каким принципам и признакам они относились к числу «неперспективных»? Здесь, где огромные пространства, порою мерянные только лесными зверями, можно и нужно было сохранить деревни, чтобы на ранее освоенных местах не создавать вновь «темных» пятен. И не случайно в округе уже начали восстанавливаться некоторые национальные селения, где будут построены малокомплектные школы.

✦✦✦

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА.

[1] **Арпа.** Наша река раньше делилась на определенные участки и перегораживалась арпами. Арпы делались по типу летнего запора, но на зиму не убирались. Они городились от берега до берега жельём, втыкались в дно реки и небольшие елочки. В загородке оставлялись свободные участки для прохода рыбы и лодок — маленькой осиновки и большой лодки с гребями (кедровки). В незагороженные места ставились ловушки-морды.

[2] **Урак** — сушеная рыба. После выдерживания в тузлуке (крепком соляном растворе) рыбу нанизывали на тонкие деревянные желины, как теперь делают шашлык, через головную часть. Нанизанная рыба укладывалась на специальном приспособлении над слабым огнем (почти как дымокур), где и коптилась. Досушивалась рыба дома, в русских печах.

[3] **Шохруп** — деревянное строение типа большого сарая, без пола и окон, но с крышей, из досок или коры дерева, чтобы не мочило дождем. В шохрупах обрабатывали добытую рыбу, заготовляя ее на зиму.

[4] **Чуман** — берестяная емкость для продуктов питания, жидкостей. На куске бересты загибали четыре угла, сверху прокладывали черемуховый остов и прошивали кругом по верху корнями дерева. Из бересты делали туеса, набирушки, коробки.

[5] ***Пайба*** (или пайва) — берестяная закрытая емкость округлой формы для переноски груза, расширенная в нижней части. На днище углы загибались, как у чумана, и сшивались корнями. Верх пайбы закрывался берестяной крышкой, по бокам подшивали или привязывали широкие, чтобы не резали плечи, ремни-лямки. В пайбе чаще носили ягоды и грибы. Теперь на севере делают для этого похожие по форме короба.

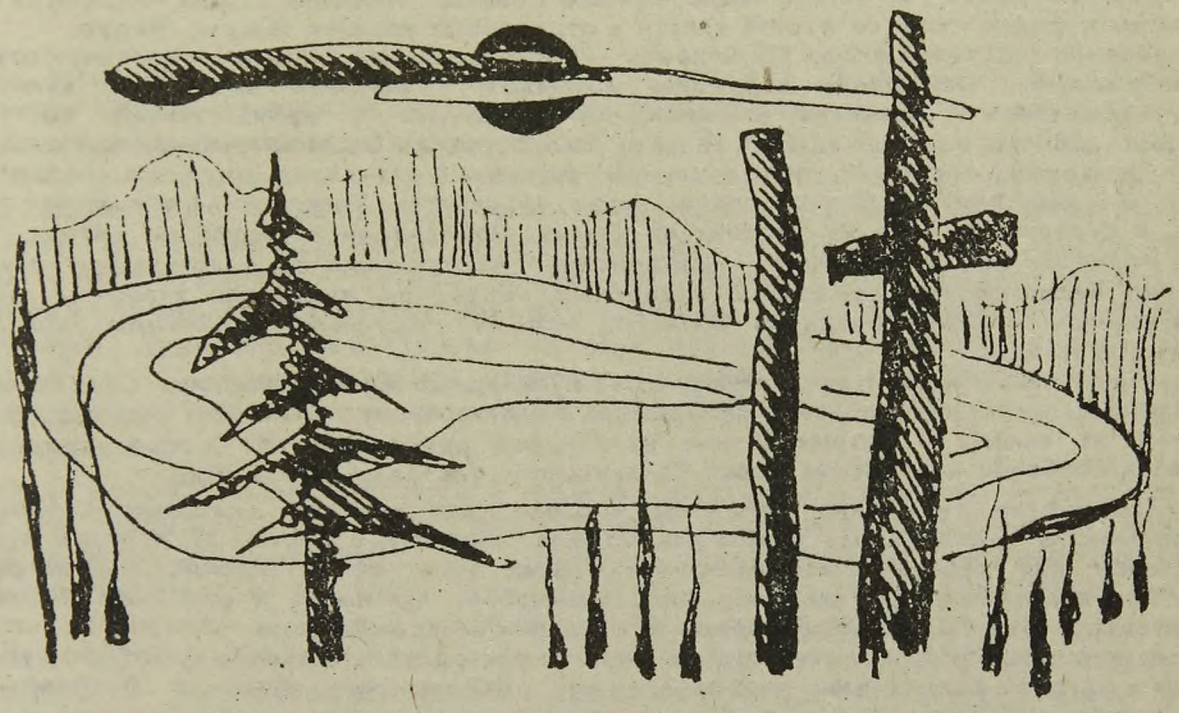


Рис. А. Мухаметовой.

ПЕРВАЯ ОЛИМПИАДА МАНСИ

Первая олимпиада национального искусства народности манси состоялась в Березовском районе 20 марта 1936 года. Она была организована Сосьвинской культбазой. Надо заметить, что в то время в округе работали две культурные базы — Сосьвинская, и Казымская, подчиненные Омскому территориальному управлению ГУСМП (Главного управления Северного морского пути).

Это были комплексные учреждения, которые вплоть до послевоенных лет вели не только культурно-просветительную работу, но и имели школы с интернатами, занимались ликвидацией неграмотности, проводили медицинское и ветеринарное обслуживание, краеведческую работу, помогали национальным Советам, готовили кадры — словом, были подлинными форпостами советской власти в отдаленных уголках тайги и тундры.

На праздник собралось около 120 человек — жители поселка, оленеводы и охотники совхоза Саранпаульский». Олимпиада открылась докладом помощника начальника культбазы В. К. Машетаса о развитии национальной культуры. С приветствиями выступили секретарь райкома комсомола Е. В. Монин, представитель Сартыньинского национального Совета и другие гости. О работе школы рассказал ее директор А. В. Голошубин. Беседу о санитарной культуре провел врач культбазы. Участники олимпиады состязались в стрельбе и беге на охотничьих лыжах. Победители в гонках на оленях и лошадях получили призы. Большой интерес вызвали выступления самодеятельных артистов, особенно национальные номера. С отдельным концертом выступили учащиеся школы. Своеобразным итогом праздника было то, что 49 участников олимпиады записались в друзья культбазы.

С тех пор олимпиады стали ежегодными. Культурные базы выполнили свою высокую миссию и в послевоенные годы прекратили существование. Но чтобы еще раз отдать должное их вкладу в осуществление культурной революции на Севере, продолжим рассказ о наиболее интересных делах Сосьвинской культбазы в 1936 году.

Вскоре после олимпиады культбаза провела слет женской молодежи с участием 40 девушек. В апреле здесь открылись первые мансийские курсы. 27 человек прошли подготовку для работы счетоводами-учетчиками (они же и ликвидаторы неграмотности или культармейцы), бригадирами охотничьего промысла и сельского хозяйства, мотористами. Май был объявлен ударным месяцем на производстве.

С наступлением теплых дней приступили к постройке плавучей культбазы. На небольшом судне разместили кинопередвижку, библиотечку, фото- и радиокомнаты, баню, ларек, амбулаторию и т. д. В июле на ней вышли в первый рейс работники базы: помполит, учитель, радист, медицинский работник, культмассовик, краевед, слесарь по ремонту охотничьих ружей и металлической посуды, переводчик, продавец, специалисты сельского хозяйства. За лето на плавучей культбазе побывало 700 жителей 30 промыслов и населенных пунктов, расположенных по рекам Сосьве и Ляпину.

Кроме культурно-бытового, торгового и медицинского обслуживания, плавучая культбаза провела большую разъяснительную работу. Были проведены беседы о проекте Конституции СССР, о значении переписи населения, стахановском движении, государственных займах, международном антивоенном дне 1 августа.

Осень принесла новые заботы. Это окончание лова рыбы по открытой воде, начало учебного года в школе. Затем сборы охотников в тайгу, переход оленеводов на зимние пастбища. Всюду нужна была помощь работников культбазы, которые с началом зимы не только активизировали работу на стационаре, но и разъезжались по отдаленным стойбищам, юртам и оленьим стадам.

Н. ПАТРИКЕЕВ,
заслуженный работник культуры РСФСР.

(По материалам архивного фонда Политуправления ГУСМП).

Н. Гарин-Михайловский.

ПИСЬМА ИЗЫСКАТЕЛЯ

19 июня (1891 г., Колывань)

I

[...]

Веду маленький дневник, который, когда тетрадь заполнится, вышлю тебе. В общем Сибирь не производит никакого впечатления или, вернее, не производит того, какое привык связывать с понятием о Сибири. Всех этих черных и белых медведей, непроходимых дебрей, разных народностей в их национальных костюмах, оленей и пр. — ничего нет. Те же самарские места или уфа-златоустовские, Если лес, то порченый, — то рубленный, то опаленный, — а то полянки, больше с перелесками — береза, осина. Хлебопашество и земли сильные, без удобрения. Много полей. Возят хорошо, верст по 16 в час. Почтовые станции, вид городов, характер всей Сибири—Россия времен Николая Павловича. Вспоминается что-то далекое-далекое, смутное, с таким трудом вспоминаемое, что кажется другой раз, что просто во сне когда-нибудь видел или в какой-нибудь другой жизни.

Сибирь можно назвать царством казны. Казенный человек — все. Ему и книги в руки, и честь, и место: все остальное так что-то. Печать казны на всем. Это наружная, так сказать, Сибирь. Под этой первой оболочкой присматриваешься и видишь, что копошится замкнуто, самобытно вторая Сибирь—коренная—коренные жители купцы и крестьяне. Эти коренные очень гордятся собой, с пренебрежением относятся ко всему русскому, интеллигенция их называет — весь пришлый элемент—навозным, а простой народ говорит «дура Рассея». Глупая самодовольная баба дергает своим толстым брюхом и пренебрежительно говорит:

— Известно, из дуры Рассеи чего путного дождешься.

Но гордиться коренникам в сущности не из чего. Невежество сплошное, кулачество в страшном ходу, и сила их в невозможной эксплоатации разных народностей. Остяк, бурят и все остальные — споены, развращены своими эксплоататорами до последнего. Приисковое дело стоит на невозможной эксплоатации рабочего, пушной промысел на спаивании, и все в таком роде.

Мужик с гордостью заявляет, что у них «земля неделеная», то есть ее столько что паши кто где хочет. На первый взгляд, благодать, но, вникая, видишь другое. Отдувается голь, не сеющая и живущая заработками. Они должны платить столько же, сколько и тот, кто сеет.

— Так ведь он не сеет?

— А кто ему не велит?

— Ты же на его земле сеешь — ты и плати за нее. Если б она, земля, была деленая

— он бы свою часть продал бы и внес повинности, а ты захватил ее а он за тебя плати.

И все так построено, что от неимущего и последний талант отнимается, а имущему прибавляется.

За этой коренной Сибирью идет вольная, бродячая Сибирь: переселенцы, поселенцы и беглые — бродяжки, как их здесь называют. Последние уже переход между человеческим населением Сибири и обитателями тайги и тундры: медведи, сохатые, волки, белки, лисицы и пр. зверье, которыми кишит Сибирь. По дороге масса подвод —взад и вперед: это неосевшая Сибирь, бродячая, переселенцы — на законном основании. Бродяжки редко показываются на трактах, но встречал их в тайге (густой лес), по проселочным, едва заметным дорожкам. Народ крупный, видный, за плечами целый тюк всякого скарба, цветные рубахи — грязь на них, ноги в лаптях, лица обросшие, глаза...

(1891 г., июнь, между 19 и 22, Томск)

II

[...]

Да, по мере того, как знакомишься с Сибирью, она начинает обрисовываться рельефнее.

— Мужик сибирский «опытнее» российского.

Вот слово, которое слышишь сплошь и рядом от здешних крестьян, когда они силятся сделать разницу — «опытнее». И этим много говорится. Трудно отдать себе ясный отчет, но чувствуется действительно, что во многих отношениях он целой головой выше российского.

Во-первых, он богаче значительнее, обставлен обеспеченнее — земля неделеная, то есть захватывай какую знаешь, лес даровой — значит, твердая почва под ногами уже есть, отсюда уверенность и довольство. Он всегда был свободен, и это чувствуется: он самостоятельнее и независимее. Он слыхал о барине, но видел его или издали, или в положении, когда он перестал быть барином,— сосланного...

Замкнутости в себе, дипломатии, русского мужика и помину нет: он откровенен и добр душою, говорит о таких вещах, о каких наш и не подумает толковать с барином.

К дороге у них громадный интерес. И не потому, что там из этого выйдет, а как и где именно ее вести. Какое место удобно, какое нет. До поздней ночи они толкуют рядом с моей комнатой, где ее как надо.

Они очень самолюбивы, не хотят ударить в грязь лицом, и поэтому что бы кто ни говорил, а в конце концов каждый говорит:

— Ну вот я это же и говорю...

Теперь уже установилось, что после их дебатов я выбираю самого толкового и он идет со мной. Это большая честь, и они гордятся. Быть выбранным — значит быть признанным умным, знающим мужиком.

Попадают и богатые, больше бедных, но, конечно, всегда дельные в этом отношении и с искоркой.

Так, первого я взял из толпы, когда он, говоря о направлении, в споре с другими дошел до фразы:

— А я вот на все свое жалование (50 к.) об заклад пойду, что так, — пропадай мой день.

— Хочешь со мной? — спросил я.

— Так что...

— Веди.

Это произвело большой эффект в толпе, споры смолкли. Алексей сконфуженно, но уверенно выступил вперед, прокашлялся и проговорил:

— Айдате.

Он с честью исполнил свою миссию и получил выигрыш на руки.

Мы идем и в свободное время разговариваем. Я, все я.

Я говорю о Ермаке Тимофеевиче, говорю о значении дороги, привожу параллель, которая доходит до сравнения его с Ермаком.

— Дорога выстроится, уйду я, и забудете обо мне, а из рода в род в деревне пойдет, что Алексей указал ей путь.

Алексей откашливается, и в нем загорается огонек вечности, и он сосредоточенно всматривается в туманную даль времени, вероятно, видит в ней среди своей деревни свою фигуру, и лучшее, что в нем есть, просыпается, он становится чуток и понимает то, что при обыкновенной обстановке не понял бы. Мы говорим о политике, истории. Я говорю о значении для них царя, об ослаблении духа в крестьянине царю, освещаю связь историей, говорю о Сусанине и слышу от него чудные вещи.

Наш государь здесь крупный помещик, мы идем по кабинетским землям, и крестьянам безвозмездно отданы и поля, и леса, и все земли. Они платят оброк по 8 р. с души, и все их.

— Нам от царя двойная малость, — мы двойник его.

Раздражение на порядки улегается, жалоба, что проезд Наследника их разорит, стихает, локализируется, переходит на местную власть, а светлый образ державного царя встает во всей его силе и неприкосновенности.

Опять проза, жизнь идет своим чередом, давно прошли те места, которые знал Алексей, но он остается в работниках, идет и идет за мной, и нередко я ловлю его взгляд на меня, молчаливый, вдумчивый взгляд, каким мы иногда смотрим на какой-нибудь кусочек аквамаринового в золотой оправе неба, смотрим, вспоминаем что-то забытое, и будит оно в нас что-то такое, чего никаким словом не передашь.

И вот среди этой кучки рабочих в дебрях и тайге я уж не чужой — я свой, я что-то дорогое, хорошее для них, и, тронутый, я вижу массу услуг внимания и расположения к себе, того, чего не было и не дает вообще сибирский крестьянин. Я чувствую себя уж нравственно связанным с ним, мы знаем в друг друге то, до чего другие всю жизнь не договорятся, мы дорылись до связи и видим ее крепкую и сильную, и нам легко и весело, и мы свои люди, мы русские, и в нашем маленьком деле мы стоим и чувствуем себя лицом к лицу с историей: и результат у нас 12-15 верст в день.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Оба письма адресованы жене писателя Надежде Валериевне Михайловской, в девичестве Чарыковой, из Сибири ровно сто лет назад. Лето и осень 1891 года Н. Г. Гарин-Михайловский участвовал в изыскательских работах на трассе будущей транссибирской железнодорожной магистрали — Великого Сибирского пути.

Жена коллеги и товарища Михайловского — Н. А. Тихомирова Мария Ананьевна в своих воспоминаниях отмечала некоторые стороны изыскательской деятельности Николая Георгиевича. Задавшись целью удешевлять строительство, он присматривался, из каких материалов сооружаются дома, бывал при постройке их, чрезвычайно дотошно расспрашивал местных долгожителей, в каких местах в половодье бывает всегда сухо, где в сушь застаивается вода. Он не жалел времени на разведку трассы и денег на премиальные рабочим из местных жителей — не только казенных, но и личных.

В изыскательскую партию Михайловского охотно шли не только сибиряки, одним из его помощников был старший сын писателя Глеба Успенского — Александр.

Письма печатаются по книге Н. Г. Гарина-Михайловского. «Рассказы. Очерки. Письма». (М.: Советская Россия, 1986).

О. Кошманова

МИТЯ-ЛЯМЧИК

День обещал быть добрым. Во всю ширину неба заря. Воздух пахнет морозом. «Надо спешить, — думает Митя, вставая на охотничьи лыжи и оглядывая окрестности, — а то и к вечеру до дому не доберусь». По пути, как всегда, прошел мимо «заверованных» лиственниц[1], мысленно прося удачи и доброго пути. Путь предстоял долгий. Там в Нюхамье, а по нынешнему Пантрашкиной речке в карусах[2] лежала брусника и клюква.

Обычно по первозимью всей деревней вывозили на лошадях запасы ягод на зиму. А сейчас и тихо, и мертво в деревне, да и во всей округе. Никого не осталось. Только вот он с женой Мотей. И все еще Митя надеется, что не могут люди навсегда покинуть эти места, где веками жили их предки. И сейчас здесь есть все, что душе угодно: ягоды, орехи, грибы, птица боровая и перелетная. А про рыбу и говорить нечего. Круглый год хоть из окна лови. А оетов[3] — на десятки километров во все стороны! Да только каждый год все пропадает.

Хотя нет, не все. С ранней весны до поздней осени сюда едут отовсюду: из Каменска, Свердловска и других мест. Никак не может понять Митя своего городского знакомого Веньку, Вениамина Петровича, как он себя называет, зачем ему столько ягод, грибов, рыбы! Живут вдвоем с женой, а сам все лето, каждую неделю уезжает отсюда с полным рюкзаком и чемоданом. Но человек он хороший. Продукты разные привозит, хлеб, всем делится. А про водку и говорить нечего. Никогда Венька один не пьет. Всегда угостит. Правда, после этого весь улов рыбы в его рюкзаке окажется, ягод в бочке уменьшится. Но что сделаешь! Пьяный Митя добрый, все что ни есть отдаст. Да только Венька много не берет— так, самую малость, по-дружески. Не ехать же ему домой к бабе с пустым рюкзаком и чемоданом.

Привычно для уха скрипят лыжи, ощущается приятная тяжесть от ружья за спиной. С детства знакома дорога через реку, потом — берегом урая[4], согрой[5], болотом. А там и бор, где из поколения в поколение передавалась вотчина. Там избушка. Душой отдыхает Митя в лесу, не может жить без него. Как уедешь! Как оставишь!

И потянулись думы-мысли, цепляясь одна за другую, о родной деревне, ее людях. Вот ведь как хорошо жили! Ты всех знаешь, тебя все знают. И его, Митю, тогда никто Лямчиком не называл, а по имени отчеству величали: Дмитрий Михайлович да Дмитрий Михайлович! Знатный охотник! Удачливый рыбак! А он в вотчине своих предков, как у себя дома: знает, что взять, где, сколько, когда.

Народу в деревне было много, все в колхозе работали, а потом и рыбоучасток на берегу реки выстроили. Целый поселок образовался. И все свои работали, деревенские, и всем в деревне

---

1 Заверованные лиственницы — места поклонений и жертвоприношений живущих здесь на протяжении веков племен манси.

2 Карус — деревянный сруб в лесу для хранения ягод.

3 Ост — заливной луг.

4 Урай — старица. Слово «урай» образовано от мансийского слова «вырий», что дословно обозначает «река, не имеющая выхода (устья)».

5 Согра — предболотная местность.

места хватало. Большой скотный двор, конюшня. Ферму серебристо-черных лисиц выстроили. Богато жили, весело. Молодежи много. Где ни учатся, а после учебы дома живут. Тогда и слова такого никто не знал — «тунеядец» или «бич».

— И почему Ванька-Суровейка бичом стал! — думает Митя. — Ведь кто-то из наших придумал эту кличку — за то, что после закрытия колхоза с одного места работы на другое переходил, да так и не остановился нигде.

Суровейка... Сурвый—рябчик, по-нашему. А ведь был в колхозе конюхом. Да каким! Лучшим из лучших. Лошади у него, как игрушечки. Что и говорить, любил лошадей. Дом свой, пятистенный, жена Дуся дояркой работала, дети росли. А потом лошадей и коров передали в рыбоучасток и угнали. Лисоферму вывезли. Не стало колхоза. Остался рыбоучасток, но и он без окружающих колхозных деревень недолго просуществовал. А народу где найти работу! Вот и посыпались, как горох из переспелого стручка, кто куда.

А у всех семьи, дети, старики на руках. Попристроились кто где сумел. Те, что побойчее да половчее, и квартиры получили, и к новой жизни как-то пристроились. В основном на лесоучастке, потому что ничего другого в округе не было. Но и таких, как Суровейка, много. Лесных работ не знают, да и душа к ним не лежит. В деревне-то раньше как было! На дрова только сухостой брали. Сушняк. Живое дерево на дрова не рубили. А сейчас! В лесах, по берегам рек и ручьев, по оету сколько срубленных деревьев валяется! Никто их не убирает, каждый год в половодье еще больше наносит. Как пойдешь помогать это делать, лес живой губить! И так весь вырубили. Лесоучасток соседний уже закрыли, пришлые давно уехали, остались только наши, местные — в основном, манси.

Суровейка обещал приехать, просился вместе порыбачить. Он где бы ни был, а сюда как домой едет, хоть и деревня пуста. И на конюшню обязательно сходит. Не может не сходить.

От дум, однообразной дороги устал Митя. Сел на пенек и тут вспомнил смешную и грустную историю про Ваньку, когда тот еще не был Суровейкой, а был просто Ванька — конюх.

Когда вывезли весь скот из деревни, каким-то образом вырвался и прибежал назад домой мерин Карько — прямо к дому Ивана — и давай ржать. Ванька к нему, обнимает, плачет, гладит. А мерин будто понимает, обнюхивает, голову на плечо кладет, губами мягкими лица, рук касается. Так и остался жить в деревне. Зимой воду, дрова на нем возили, всей деревней кормили, холили. Но узнал про это начальник участка и приказал мерина сдать на бойню.

Вот тут и началось. Как только услышат шум мотора, давай его прятать. Посреди деревни амбар стоял, полутораэтажный такой, шайтанский. Однажды приехали за Карьком, а его деть некуда, не успели в лес отвести. Куда спрятать! Дворы-то все осмотрят. Иван и додумался. Открыл сарайчик, зашел и давай Карька звать. А сарайчик низенький, дверь малюсенькая. Да видно услышал Карько мольбу в голосе Ивана, залез за ним. Их — на замок амбарный. Так и сидели вдвоем, пока посыльные не уехали. А потом Карько и сам знал. Как кто чужой появится поблизости, а лошади чутки, Карько к Ивану. Тот амбар откроет, мерин залезет туда и лежит, будто его и нет.

Долго берегли, да не уберегли. Увели все-таки Карька. И Иван уехал вслед за ним. Весь их род исстари лошадьми занимался, вот он и бредит ими до сих пор. Нового дела по душе не нашел. Суровейкой-рябчиком стал значит, а сейчас и еще краше — бич! И занимается Иван-конюх, ставший Ванькой-Суровейкой, чем бог пошлет: где рыбы половит—продаст, кому сено покосит, кого летом по ягоды в заветные места сводит. Жить надо, есть надо.

И его, Митю, тоже прозвали Лямчиком. А за что! Лямчик — значит старый, «непригодный». А может и правда уж для людей он ненужный! А как оставишь свой край! Все в нем есть. Боровую дичь везде в округе повыбили, тока уничтожили, а здесь она есть, хотя и меньше, чем было. Знает Митя и глухариный ток, но никому о нем не говорит и сам старается не показываться ранней весной в этих местах. Может и сох-

ранятся глухари и копалухи, пальники и полюшки.

Глухие здесь места. Озера богаты рыбой. Карася надо — иди на карасье озеро, окуней — на окунево, щук — на щучье. И даже линь есть здесь. Единственное место в нашем крае, где водится эта вкуснейшая рыба. Барсуки и лисы, лоси и олени, дикие серые гуси и красавцы белые лебеди.

Болит душа у Мити за родной край. Осенью тянутся сюда охотники, а вернее браконьеры, отовсюду. Вон ондатру почти всю выбили. След соболя — редкость. А белка что! Это проходящий зверек. Леса настоящего нет, кормиться нечем — вот и не останавливается. Лоси и олени пока есть. Но им, чтобы зимой укрыться, лес нужен. Хороший лес, густой. Ходят они стадом. А раз леса хорошего нет, значит их далеко в округе видно. И с вертолетов, во все стороны летающих, тоже видно.

Года два назад приметил Митя стадо оленей голов на 50. Ну, думает, пусть пасутся. К весне голодно будет, тогда и можно парочку — другую взять. Приручил к себе. Вблизи от стада не стрелял, зря не шумел. Олени пасутся, и он рядом ходит. Так зиму и прожили. Да не он один пас это стадо. Вертолеты часто над этим районом пролетали и, видимо, с них тоже стадо приметили. А в один предвесенний день, когда чарым[1], образовался и оленям не уйти далеко, налетел вертолет на стадо и погубил его. Не было в тот день там Мити, не видел он своими глазами этого побоища. Только приметил из деревни, что вертолет туда что-то часто летает. Что, думает, такое! Деревень там нет, рыбаков на озера не забрасывали. Да и весна. Какая сейчас рыбалка!

То, что увидел Митя спустя два дня, не мог в страшном сне увидеть. Гора голов, ног, внутренностей. Вот и все, что осталось от «его» стада. Выходит, зря всю зиму пас, берег, охранял, боялся спугнуть, ни одного оленя не взял. А их вот так, разом, всех уничтожили. Нельзя уезжать Мите. От вертолетов не спасешь, ясно, а вот от браконьеров... Тут уж как сумеешь. А больше хитростью. Нахвалишь то место, где пусто, иного рыбалкой сманишь, сам поводишь по пустолесью, а трусливого и припугнешь. Нет, нельзя уезжать! Пусть и Лямчиком зовут, а уезжать нельзя. Людям-то он и Лямчик, а вот лесу, зверям, птицам он, Митя, друг. А друзей в беде не оставляют.

Вот и избушку уже видно. Митя смотрит на стоящее над лесом солнце, прикидывает успеет ли попить чаю перед обратной дорогой! Все на месте, все хорошо. После короткого отдыха Митя насыпал ягоды в мешки, два положил на связанные лыжи, третий, наполовину наполненный, прикрепил к нэпке[2] и по своей только что проложенной лыжне пошел назад к деревне. «Надо поспешить, — думает Митя, — а то бабе страшно одной в деревне. Вот ведь как воет ветер по ночам в проводах. Света давно нет, а провода на столбах висят и по ночам, особенно в непогоду, так жалобно завывают, что душа болит».

Уже в сумерках, при полной луне, Митя подходит к своей деревне. Вот она, вся, как на ладони, видна с бугра «заверованных» лиственниц. Порывистый северный ветер подхватывал и кружил возле печных труб снег, луна светила и отражалась в окнах домов. На миг показалось Мите, что жива деревня: свет в окнах, дым из труб. Набежавшее облако закрыло луну и враз все померкло, только в одном из домов через мглу светил слабенький огонек. Там и ждала его единственная родная душа, жена Мотя.

●●●●

1 Чарым — твердый наст, образующийся после первых теплых весенних дней.

2 Нэпка — заплечное приспособление для переноски груза.

ИЗДАНИЕ, КОТОРОГО ЖДАЛИ

Вышла в свет книга «Культура малочисленных народов Крайнего Севера. Материалы к библиографии». Составитель ее — кандидат филологических наук Евдокия Александровна Кузакова, известная читателю по публикациям в нашем журнале. Издание включает в себя без малого две с половиной тысячи названий книг и статей из периодических изданий и дополнено этническим и географическим указателями, обширным перечнем источников, списком сокращений.

В предисловии Е. А. Кузакова так формулирует назначение книги: «Собрать, систематизировать публикации по теме культурного строительства у малочисленных народов Крайнего Севера и рассмотреть данный вопрос во взаимосвязи с проблемами экономики и языков этих народов».

Новый библиографический труд несомненно представит интерес для историков, этнографов, лингвистов, фольклористов, краеведов, работников библиотек, музеев, архивов, преподавателей школ и других учебных заведений, учащихся старших классов и окажется для них полезным справочным изданием, путеводителем по обширному морю литературных источников, тем более, что потребность в такого рода библиографическом указателе до сих пор не была удовлетворена.

Книга издана в Москве Министерством культуры РСФСР и Всероссийским научно-методическим центром народного творчества и культурно-просветительской работы им. Н. К. Крупской скромным тиражом в 300 экземпляров.

Адрес, по которому можно обратиться за книгой: 101000 Москва, Сверчков пер. 8, строение 3, Алексеева Зоя Захаровна.

В АВТОНОМНЫХ ОКРУГАХ РОССИИ

100-летие средней школы села Бильчир многими в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе было отмечено как большое событие. В ее стенах воспитывались такие известные в Сибири и России люди, как М. Н. Хангалов и Н. И. Амагаев. Первый заведовал школой и учительствовал в Бильчире почти 20 лет, а кроме этого занимался этнографией, составлением бурятского алфавита. Второй совместно с Аламжи Мэргэном подготовил и выпустил в Санкт-Петербурге в начале нынешнего столетия «Монголо-бурятский алфавит» и «Монголо-бурятский сборник». Статьи Н. И. Амагаева печатались в сибирских газетах и журналах. Он собирал бурятские сказки и песни, переводил на родной язык русскую классику и в Санкт-Петербурге же издал книгу «Героический эпос иркутских бурят». Просветительская деятельность отца была продолжена двумя его дочерьми, которые почти по сорок лет отдали обучению и воспитанию детей.

~~~~~~~

В апреле округ отмечает 100-летие со дня рождения основателя советской бурятской поэзии П. Н. Дамбинова, известного в народе под псевдонимом Солбонэ Туя. Первый сборник его стихов «Цветостепь» вышел в 1922 г. В нем автор воспевает жизнь бурятского улуса, изображая в органическом единстве степь, юрту и ее хозяина — бурята. Наибольшую известность принесла ему лиро-эпическая поэма «Ангара». Будучи человеком разносторонних интересов, П. Н. Дамбинов много занимался изучением устной народной поэзии, шаманских призываний.

~~~~~~~

С целью дальнейшего развития литературы, искусства и народного творчества в автономном округе президиум окружного Совета народных депутатов учредил ежегодные премии за лучшие художественные произведения.

~~~~~~~

р. п. Усть-Ордынский,
Иркутская обл.
~~~~~~~

УЗОР «СОБОЛЬ»

Орнамент — мощный пласт сегодняшней культуры хантыйского народа. Он богат и многогранен. Основу его богатства составляют существенные отличия орнаментальных традиций одной группы хантов от другой, такие отличия с наибольшей силой проявляются по исторически сложившимся территориям проживания — по рекам. У нас в Ханты-мансийском автономном округе такие локальные группы наблюдаются по девяти рекам: Вах, Юган, Тромаган, Аган, Назым, Лямин, Обь, Казым, Пим.

Чтобы дать читателю общее представление об орнаментальных традициях хантыйского народа, мы возьмем только одну группу — ханты реки Казым.

Орнаментальные мотивы хантов реки Казым подразделяются на два основных типа: линейно-геометрический орнамент ленточного типа и стилизованное изображение окружающего мира. В настоящее время носителями орнаментальных традиций являются преимущественно женщины.

Там, где сегодня сохранился традиционный образ жизни, полностью сохранилась передача орнаментальных традиций от поколения к поколению; более того, в некоторых локальных группах наблюдается мощный взрыв рождения новых мотивов более усложненного орнамента. На реке Казым подобное явление мы наблюдаем у мастериц поселка Юильск и близлежащих стойбищ.

Публикацию орнаментов хантов реки Казым мы начинаем с линейно-геометрического орнамента ленточного типа. Его самая существенная отличительная черта — это равность орнамента и фона, т. е. каков темный узор, таков и светлый. Говорят, «в голове у мастерицы заложен алгоритм решения задачи с равностью фона и узора».

Орнамент ленточного типа сохранился полно и получает развитие. Сегодня он преимущественно вырезается в технике меховой мозаики и бытует на зимней женской шубе (сах), на рукодельных мешочках женщин (ентасты хир), мешочках для хранения мягких вещей (юрн хир), а также наносится техникой выскабливания на изделия из бересты — заплечный кузов (хинт), набирушки для ягод (воньсуп), коробочки (йингал).

Публикуемые варианты узора носят название «соболь».

1 — пярнаянг нюхс — «соболь с крестом» или аси вой ухн омасты пярнаянг нюхс — «на голове небесного зверя сидящий соболь с крестом»;

2 — аси вой ухн омасты пярнаянг нюхс кат пялака — «на голове небесного зверя сидящий соболь на две стороны»;

3 — шовр толэн омасты нюхс — «на заячьей лапке сидящий соболь»;

4 — сумат нувн омасты нюхс — «на березовой ветке сидящий соболь»;

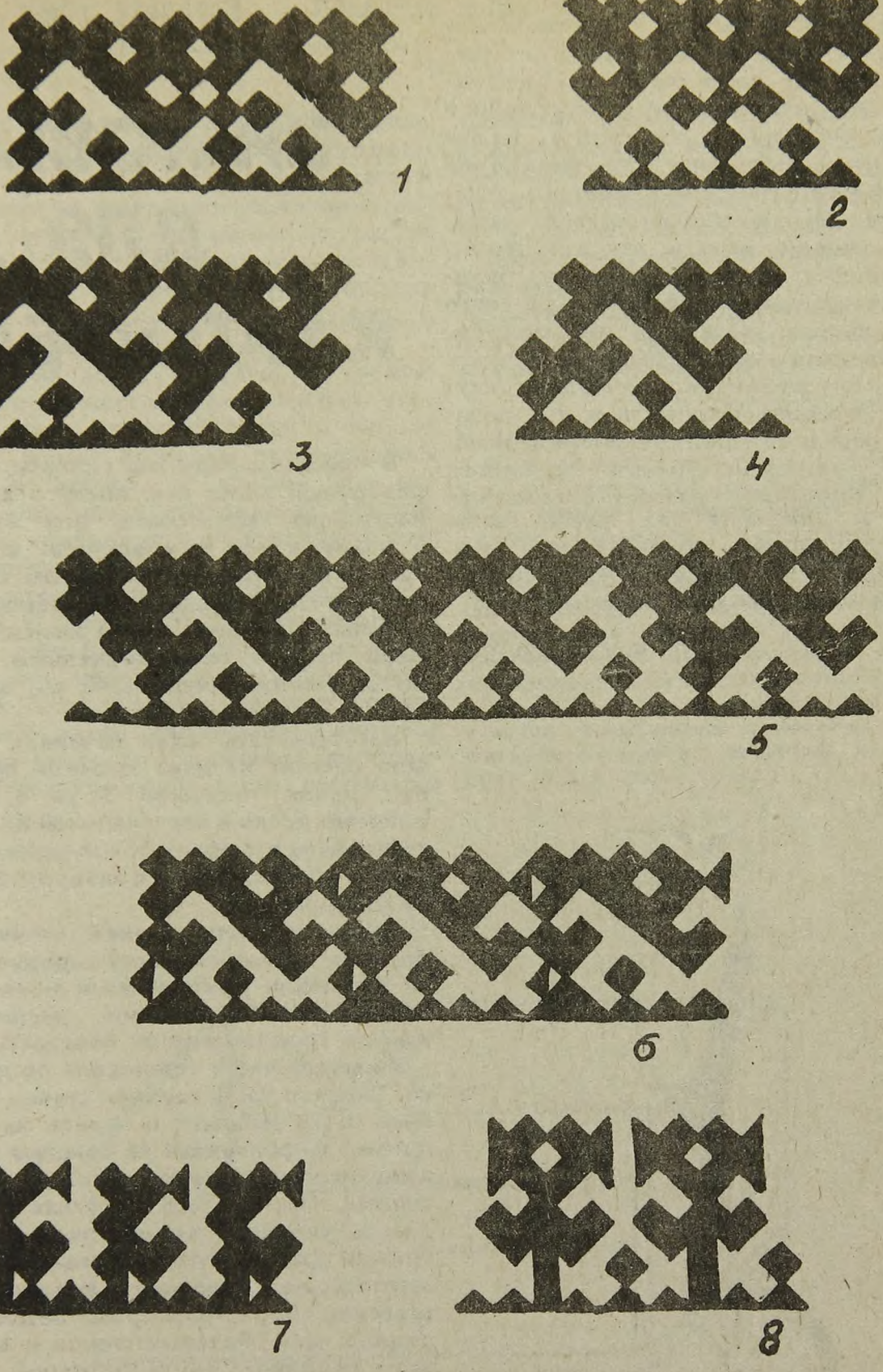
5 — пярнаянг нетум нюхс — «крестом добавленный соболь»;

6 — лайманг нюхс — «с топором соболь»;

7 — кангянг нюхс шэп эватман — «с лезвием топора соболь отрезанный»;

8 — кангянг нюхас кат пялака — «с лезвием топора соболь на две стороны».

На примере этого орнамента можно проследить различные ступени восприятия одного и того же геометрического узора разными людьми. Для первой группы людей это просто геометрические узоры, ханты с реки Казым видит изображение соболя, а вот пожилая мастерица из д. Юильск П. З. Молданова говорит: «Сит вурты нюхс хурал най, питы нюхс най» (букв.: это красный соболь образ богини, черный соболь образ богини). Затем она объяс-



Варианты узора „соболь"

няет, что это священный образ Великой Казымской богини и рассказывает о ее семи священных песнях, которые и сегодня еще поют на земле Казыма. Итак, мы наблюдаем существенный разброс восприятия орнамента. Самое глубинное, сакральное его понимание сохранилось у пожилых женщин. Анализируя этот и многие другие орнаменты, можно сказать, что для традиционной культуры орнамент был мощнейшим средством передачи духовного опыта народа. Поэтому мы считаем, что для того, чтобы сохранить душу народа, его культуру, необходимо изучить и бережно сохранить и эти механизмы передачи опыта поколений. Необходимо изучение самого глубиного пласта понимания орнаментальных мотивов, а орнамент как часть системы традиционного мировоззрения нужно вводить в школьные учебники по истории и культуре народов ханты.

Т. МОЛДАНОВА.

Рис. А. Мухаметовой.

ЗИМОВЬЕ ДЛЯ КАРТОФЕЛЯ

В прошлом году мы сделали сборно-разборный ящик для зимнего хранения картофеля. Изготовили его из реек и узких досок и соединили семь его частей изнутри друг с другом стальными петлями средних размеров (типа дверных). Габариты ящика зависят от размера лаза в овощехранилище: у нас он получился длиной 1500 см, шириной 520 см и высотой 1400 см.

Изготавливать ящик начали с днища. Оно состоит из двух прочных продольных досок толщиной 3 см (прочные опорные доски в вертикальной плоскости установили и с обеих боков ящика), к которым прибили рейки с зазором 2 см одна от другой.

Нижнюю часть задней стенки, две боковые и нижнюю часть передней стенки закрепили у основания к днищу сборно-разборными петлями расположенными в горизонтальной плоскости.

В каждой части установили по две петли. Заднюю часть верхней стенки установили на ее нижнюю и надели на штыри петель, закрепленных на боковых стенках к вертикальной плоскости (по две слева и справа). После этого на углах боковых стенок укрепили стандартные стальные крючки для жесткой фиксации стенок в вертикальном положении. И, наконец, установили сборно-разборные петли на передней части боковых стенок и верхней части переднего борта (по одной петле с каждой стороны). Всего на ящик потребовалось 14 сборно-разборных петель среднего размера и 4 крючка.

Чтобы отделить посадочный материал, установили перегородку из двух частей

фанеры толщиной 0,6 см по форме, повторяющей внутреннюю конфигурацию ящика. А можно установить и целый лист фанеры, предварительно прибавив по две вертикальные рейки на задней и передней части ящика с зазором 0,8—1 см одна от другой. Перегородку сделали на 3-4 см ниже высоты ящика, чтобы она не касалась досок.

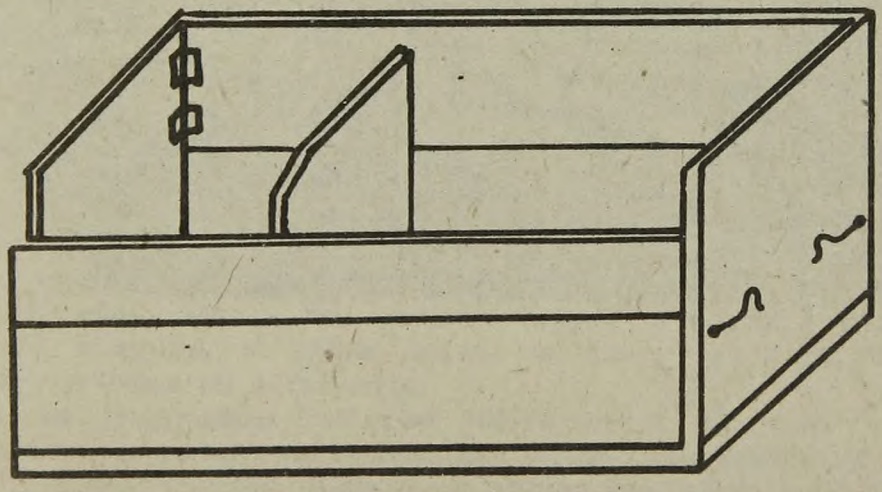
Затем на ящик, побелив их предварительно свежегашенной известью, уложили четыре прочные доски толщиной 2,5 см. Чтобы доски не перемещались влево и вправо, у каждой из них с внешней (или с внутренней) боковой стороны прибили по одной опорной рейке на ширину досок.

Собирали ящик в такой последовательности: дно, затем заднюю нижнюю стенку, обе боковые стенки и нижнюю переднюю стенку. После этого надели крючки части задней и передней стенок. Если все части тщательно подогнаны друг к другу и соединения выполнены правильно, ящик легко собирается и разбирается. Перед установкой ящика в овощехранилище побелили все деревянные части свежегашеной известью и хорошо просушили его, а вращающиеся части петель смазали солидолом.

Такая конструкция позволяет ежегодно разбирать ящик, вынимать его из овощехранилища, проводить повторную побелку и хорошо просушивать на солнце перед закладкой картофеля нового урожая.

А. КОЛОМЕЙЦЕВ.

От редакции. Мастеровых людей, умельцев, кто творческой мыслью и трудолюбивыми руками усовершенствует свой быт, просим поделиться с читателями журнала собственными изобретениями. Присылайте в редакцию ваши предложения, советы, описания и схемы полезных, облегчающих повседневный домашний труд, помогающих бережливо вести семейное хозяйство конструкций. Безусловный интерес, на наш взгляд, представят и описания того, что с успехом применялось и надежно служило жителям Севера в прошлом, а ныне забыто. Ждем ваших писем.



ОТКРЫТИЕ СП-31 И СПАСЕНИЕ КИТОВ

Г. Бардин, кандидат географических наук.

Помня о моем неравнодушном отношении к Чукотке, в 1988 году через пять месяцев после возвращения из Антарктиды мне предложили войти в руководство высокоширотной экспедиции «Север-40». С удовольствием дал согласие быть заместителем начальника этой экспедиции Владимира Киселева — симпатичного, немного застенчивого и немногословного гидролога, ранее зимовавшего на станции «Северный полюс», на станции Русская в Антарктиде и знающего ледовую разведку.

Постепенно нарастая, через неделю пошел сплошной поток грузов по воздушному мосту Ленинград-Певек. Один за другим летали тяжелые самолеты АН-12 и ИЛ-76. Но основной груз: продукты питания, пиломатериал, хозинвентарь, а главное — топливо (соляр, керосин, бензин и масла) мне предстояло раздобыть и погрузить в Певеке. В этом заключалась моя особая миссия.

По плану высокоширотной экспедиции «Север-40» высадку новой дрейфующей станции «Северный полюс-31» предстояло произвести с помощью ледокола «Адмирал Макаров» и дизельэлектрохода ледового класса «Владимир Арсеньев». Однако сначала в заданном районе Центрального полярного бассейна предстояло найти подходящую многолетнюю льдину, доступную для подхода ледокольных судов в позднеосеннее, а точнее в раннезимнее время. Еще весной гидрологи Виктор Цапин и Сергей Кессель, работая на дрейфующей станции «Северный полюс-30», с помощью спутниковой информации в предполагаемом районе высадки новой станции обнаружили несколько больших паковых полей. Наличие мощных многолетних относительно ровных ледяных полей в том же районе подтвердил позднее при стратегической ледовой разведке на самолете ИЛ-18 опытнейший разведчик-гидролог номер один, мой давнийший приятель Василий Шильников, с которым мы еще полгода назад летали вместе в Антарктиде.

Теперь нужно было с помощью ветерана полярной авиации надежного труженика ИЛ-14 отыскать конкретную льдину и зафиксировать ее, сбросив несколько пустых бочек. К стыду доблестных авиаторов и нашего института, в век космической техники специального радиомаячка, спускаемого на парашюте, достать не удалось. Найти через месяц крошечные бочки на дрейфующей «без руля и без ветрил» льдине в безбрежном океане все равно, что потерять и найти иголку в стогу сена. Но в нашей ситуации ничего другого не оставалось.

6 сентября на воздушном лайнере ИЛ-76 всего за семь часов из Ленинграда прилетели начальник экспедиции «Север-40» Владимир Киселев и начальник будущей станции «Северный полюс-31», известный советский полярник, первооткрыватель станции Восток в Антарктиде, в недавнем прошлом начальник полярной станции на острове Айон, где его нашла Звезда Героя Труда, Василий Сидоров. 21 сентября, летая на ИЛ-14, Киселев и Сидоров нашли хорошую большую многолетнюю льдину с озером и «отметили» ее тремя пустыми сброшенными бочками.

В морском порту на специально отведенном месте кипит работа: собираются полярные домики и загружаются трехтонные контейнеры. Груз поступает почти непрерывно круглые сутки. В связи с благополучным завершением эпопеи снабжения дрейфующей станции СП-31, уже под занавес я приобрел для моего друга Васи и его славного коллектива роскошное коричневое пианино марки «Красный Октябрь», которое тоже осторожно и незаметно погрузили на «Владимир Арсеньев». Как и следовало ожидать, Сидоров получил за него из института выговор. Но зато коллектив станции будет не один год с хорошей музыкой, так как среди полярников, как правило, есть неплохие музыканты, владеющие этим благородным инструментом. Так оно потом и оказалось, а бедный Вася еще долгое время, посылая мне служебные радиограммы, неизменно завершал их: «Музыкальным приветом—Сидоров».

К пятому октября мы закончили все свои дела в гостеприимном Певеке. В ночь на шестое без лишнего шума вышли из Чаунской губы, обогнули скалистый мыс Шелагский и двинулись на восток. Но, встретив перемычку тяжелого многолетнего льда, стали терпеливо ожидать ледокол «Адмирал Макаров». Седьмого октября начали движение под проводкой ледокола. Лед все тяжелее, десятибальный, с отдельными вкраплениями голубого пакового льда. В таких льдах, бывало, ломали винты даже атомные ледоколы. Поэтому идем медленно и осторожно, маневрируя и выискивая в полях слабину и трещины.

Пересекли 180-й меридиан и вошли в западное полушарие в непосредственной близости от острова Врангель. Поздно вечером встретились с легендарным атомным ледоколом «Арктика», дошедшим до Северного полюса 16 августа 1977 года. Было уже совсем темно, когда мимо нас величественно проплыло море ярких огней с мощным лучом прожектора впереди. Живут же люди!

После почти суточного движения за ледоколом в тяжелом льду, когда наше судно глыбами старого матерого льда временами основательно встряхивало, как колымагу на ухабах, мы подошли и встали на рейде полярной станции Ванкарем, где начальником работает мой старый знакомый Валентин Александров с женой Галиной. Раньше довольно продолжительное время они зимовали на полярной станции Нэттэн, утопающей по пояс в густой траве и расположенной в четырех километрах от чукотского поселка Энурмино вблизи от мыса с поэтическим названием Сердце-Камень. В этот поселок Галина ходила пешком оказывать местным жителям неотложную медицинскую помощь. А как же белые медведи или еще хуже—полярные волки! Валентин для безопасности давал ракетницу, которая могла только рассердить хищника, а чаще сам отвозил ее на снегоходе «Буран».

10 октября стоим на траверзе чукотского поселка Нешкан, западнее Энурмино. Здесь вертолет выгрузил 44 контейнера со свежими продуктами. Василий Семенович проводит в кают-компании собрание, знакомя свой коллектив с нарисованным планом размещения на льдине домиков будущей станции. Вчера самолет ИЛ-14 летал к выбранной точке. Благодаря высокому мастерству штурмана Владимира Арсланова пилоты нашли и льдину, и озеро, и три бочки.

Погода нам явно благоприятствует. Сегодня опять осеннее, но еще ласковое солнышко бьет прямо в открытый иллюминатор. Тихо. Хотя из метеосводок знаем, что в районе Биллингса-Шмидта свирепствует восточный штормовой ветер более двадцати метров в секунду. Кто-то слышал, что по всесоюзному радио объявили о нашем выходе из Певека

в высокие широты. Закончив выгрузку в Нешкане, во второй половине дня направились к острову Колючин. Это совсем небольшой островок в Чукотском море, отделенный от материка проливом Сергиевского, капитана теплохода «Колыма» в двадцатые годы. С одной стороны — пологий, здесь на возвышении расположены домики полярной станции, а с другой — скалистый, с вертикальным обрывом больше ста метров, где летом не умолкает гомон десятков тысяч полярных пернатых — здесь царствует огромный птичий базар. Жить и работать на этом острове довольно сложно, а особенно опасно в осенний период, когда от брызг бушующего океана весь берег покрывается сплошной ледяной скользкой коркой.

На второй день в полдень закончили все операции по снабжению полярных станций и легли на генеральный курс 60 градусов — к нашей льдине! Легко преодолели довольно широкую перемычку льда и вечером вышли на чистую воду. Стало слегка покачивать, отвыкли уже. Идем в кильватере за ледоколом в сплошном тумане. Вчера закончил читать книгу Виктора Астафьева «Печальный детектив» о многострадальной судьбе бывшего «опера» Сошнина. Сейчас читаю потрясающую повесть Юрия Нагибина «Терпение».

12 октября. Идем за «Адмиралом Макаровым» по легким льдам-сморозям с хорошей скоростью около четырнадцати узлов. Небольшой ледокольный вертолетик МИ-2 улетел вперед по курсу, чтобы найти оптимальную дорогу. С помощью фототелеграфной аппаратуры с мыса Шмидта от гидролога-разведчика Фомина, летавшего на самолете ТУ-134, получена большая карта ледовой разведки интересующего нас района. По его сведениям, проход до ледяных полей, отмеченных тремя бочками, вполне реален, что нас весьма обнадеживает.

Пока идем спокойно, Киселев приглашает меня на флагман для встречи с экипажем. Взлет вертолета, посадка и вот уже палуба могучего ледокола. Лекция—беседа «Чукотка вчера, сегодня, завтра» естественным образом превратилась в вечер воспоминаний. Рассказ воспринимается моряками с большим интересом. Это ведь и их жизнь. Годами плавая по трассе Севморпути вдоль Чукотского полуострова, они о самой Чукотке многого не знают.

После ужина уткнулись в обширные поля тяжелого льда с сильными сжатиями и взад-вперед протолкались до утра почти на одном месте. По сравнению с дизельэлектроходом на ледоколе удары об лед и вибрация ощущаются более резко. Вася Сидоров, зайдя в отведенную мне носовую каюту нижней палубы, где особенно грохотало, пригласил меня отдыхать в свою каюту-люкс, расположенную наверху, рядом со штурманской рубкой. Старпом Александр Пацевич рассказывает, как восьмого октября, когда стояли возле станции Ванкарем, к ледоколу вплотную безбоязненно подходил большой белый медведь, которому обрадованные и растроганные моряки в предвкушении редкого и безопасного зрелища (борт-то высокий, не достанет) из своих личных запасов скормили более трех килограммов конфет и полдюжины банок сгущенки. Вдоволь натешив зрителей и фотографов, услышав гул вертолета, мишка, не торопясь, чинно и с достоинством удалился в торосы.

14 октября. До цели осталось меньше пятисот километров. Вчера в основном шли в тяжелом льду, а сегодня утром около часа двигались по чистой воде, но вскоре ледокол снова пробивал небольшие ледовые перемычки. Неожиданно справа по борту в бинокль увидели темное пятно. Подойдя ближе, обнаружили остатки лагеря станции «Северный полюс-25», которую сразу же узнали механик Анатолий Кунделев (мой сотоварищ по 8-й САЭ), закрывавший ее весной 1984 года, и Василий

Сидоров — начальник СП-25, который открывал ее весной 1981 года. Вот так удача! Остатки лагеря на вертолете посетили Киселев, Сидоров и Шумков. На вытаявших ледяных постаментах в форме гигантских грибов на самом верху стояли части зданий и небольшой трактор ДТ-75. Конечно, хотелось забрать с собой трактор и полярный домик, которые бы очень пригодились на новой станции. Но подходы к льдине оказались заблокированными всторошенными полями, и «Адмирал Макаров», попробовав, отказался от этой заманчивой затеи: у нас очень мало времени. Все-таки на льдину слетало еще несколько человек, которые в каюткомпании нашли и привезли в бутылке из-под шампанского «Послание к тем, кто найдет». Рассерженный Сидоров настаивает на возвращении этой реликвии обратно.

Оказывается, делать этого нельзя, так как дрейф остатков лагеря продолжается. Посовещавшись, добавили новый текст об обнаружении СП-25 в 1988 году экспедицией «Север-40», вложили старые и новые документы в ту же бутылку с плотной родной полиэтиленовой пробкой и на следующий день вертолетом возвратили ее на старое место, в полуразрушенную каюткомпанию. Теперь ценность реликвии возросла вдвойне.

16 октября с утра пасмурно, снег, видимость 2-3 километра. Ледокольный вертолет МИ-2 до обеда безрезультатно галсами искал льдину, сразу после обеда снова в воздух. Большой МИ-8 с Киселевым и Сидоровым на борту барражируют в юго-восточном направлении. Где-то близко, но где же она! Наконец, в семнадцать часов отмеченную тремя бочками льдину с озером нашел экипаж вертолета МИ-2 в пятнадцати милях от нашего места нахождения. Сразу же подлетел МИ-8, поставили оранжевую палатку, очень заметную на белом снежном фоне. В двадцать часов к точке высадки подошли оба корабля. Сидоров поздравил всех по судовой трансляции с завершением первого этапа экспедиции «Север-40», но теперь на очереди не менее важный второй этап — быстрая, качественная и безаварийная выгрузка с одновременным строительством на льду лагеря новой станции СП-31.

17-18 октября все работаем на выгрузке с восьми до семнадцати. За два дня сняли свыше 220 тонн, в том числе 15 полярных домиков, 12 контейнеров с оборудованием, пиломатерил, но в основном ГСМ в бочках, которые на случай разлома льдины складируются в четырех разных местах, удаленных друг от друга. Если так пойдет дело, управимся за шесть дней.

Моя работа—координатор на верхнем мостике «Владимира Арсеньева», где, как в песне, «мне сверху видно все». С помощью УКВ-радиостанции связываю между собой бригаду Анатолия Пучкина в трюме, летающий вертолет, бригаду Александра Дворникова на «полюсе» и ледокол. Все они радиофицированы. Отдельная переносная радиостанция есть еще у Сидорова, который без устали гоняет на снегоходе «Буран» между кораблями и лагерем и руководит делами на ходу. Нерасторопным иногда от него здорово достается. Вторым после Сидорова старшим на льдине является опытный гидролог и душа коллектива—парторг станции Юрий Хистяев, отвечающий за технику безопасности на льду. Еще до начала разгрузочных работ он вместе с начальником станции на вертолете МИ-2 обследовал всю льдину вдоль и поперек, определив место будущего лагеря, аэродрома и складов ГСМ. Толщина льда от трех до девяти метров давала основание считать, что выбор сделан удачно и жизнь станции будет долгой. От места стоянки судов до лагеря около полутора километров и Хистяев сам промерил толщину снежного и ледяного покрова, тщательно обвеховав прокладываемую дорогу, особенно в районах

коварных трещин, под толщей снега покрытых тонкой корочкой льда. Более чем десятилетняя работа в сложных, нередко экстремальных экспедиционных условиях на судах и самолетах на Камчатке, многочисленные воздушные десанты на дрейфующий лед в Центральной Арктике, работа на оставшемся куске льдины размером 150 на 200 метров на СП-27 выработали у него уважительное отношение к необузданной и суровой полярной стихии, а знание законов, ею управляющих, позволили хладнокровно и спокойно решать поставленные задачи и увлекать за собой весь коллектив.

19 октября с утра наблюдались волны радиационного тумана. Опасная работа: на льду под вертолетом почти ничего не видно, а нужно быстро и умело отцеплять стропы контейнера, за секунды на него взобравшись, пока вертолет в «зависе». Все это виртуозно демонстрируют ребята-парашютисты из «Экспарка». Народ постепенно привыкает к бешеному темпу жизни. Трактор ДТ-75 с санями осторожно сняли на лед, и он теперь непрерывно в две смены бойко таскает бочки с горючим от борта судна по обвехованной дороге в сторону лагеря.

22 октября. Сегодня в тринадцать часов состоялся торжественный митинг, посвященный открытию новой дрейфующей станции «Северный полюс-31». Ледовый поселок уже построен и основные службы готовы начать научные наблюдения. Первым слово взял В. Киселев, затем выступил В. Сидоров. Два капитана — С. Решетов и Р. Зайнигабдинов поднимают государственный флаг нашей Родины. Потом полярники, моряки и летчики вместе фотографируются, и эта классная работа корреспондента В. Волкова была опубликована на обложке последнего, декабрьского номера «Огонька». На обратном пути к кораблю Михаил Задвин показывает оранжевую палатку своей конструкции. В ней уютно, тепло и светло (она хорошо просвечивает), собирается такая прелесть всего за три-пять минут.

23 октября подъем в семь утра. После завтрака последние сотрудники станции с вещичками садятся на большие деревянные сани. Последние объятия, пожелания успешной зимовки, а уходящим счастливого плавания. Шустрый маленький трактор цвета кумача, как породистый мустанг, прыгает и, резво набирая скорость, удаляется от обоих судов. До конца с нами остается на своем «Буране» неутомимый Сидоров. Вначале «Адмирал Макаров», а затем и «Владимир Арсеньев» начинают медленно двигаться, взламывая толстый лед, поочередно дают несколько длинных прощальных гудков, и одинокая фигурка Васи постепенно тает в морозной дымке.

x x x

Еще на станции СП-31 мы услышали по радио, что международная организация защитников окружающей среды «Гринпис», Госдепартамент США и Национальное управление по проблеме океана и атмосферы обратились с просьбой помочь освободить из ледовой ловушки двух серых калифорнийских китов, находящихся там уже более двух недель.

Дальневосточным морским пароходством капитанам было предложено следовать к мысу Барроу, что на севере Аляски, чтобы по возможности помочь американцам в спасении китов. От местоположения судов до мыса Барроу по прямой на юг более 300 миль. По чистой воде это расстояние можно преодолеть за сутки. Но впереди по новому курсу — огромные неизведанные поля крепкого, как железобетон, многолетнего канадского пака толщиной нередко более трех метров. Такую махину

«в лоб» не возьмешь, надо настойчиво искать слабину в перемычках обширных тяжелых ледовых полей.

Несмотря на то, что с палуб и надстроек каждый день скалывали лед и сбрасывали снег, наши корабли похожи на новогоднюю елку в лесу. Толстый слой инея образовался на проводах и оттяжках мачт, скользко передвигаться в сапогах по стальной палубе. Светлое время сократилось до пяти часов, поэтому большую часть суток суда двигаются в темноте. Иногда сквозь облака мерцают редкие яркие звезды, а среди них — длинная полоса расплывающегося Млечного пути. На северном горизонте временами таинственно переливаются постоянно колеблющаяся зеленоватая зановесь полярного сияния.

Мощный луч прожектора, как ножом, вспарывает кромешную тьму, так что хорошо виден канал, пробитый «Адмиралом Макаровым». А в непосредственной близости — угрожающие гряды 4-8 метровых ропаков и торосов. Какой же могучей здесь бывает стихия, если она способна громоздить друг на друга или ставить вертикально «на попа» льдины трехметровой толщины!!

Как говорят моряки, на валу у ледокола «Адмирал Макаров» — 36 тысяч лошадиных сил, то есть его мощность в три раза больше, чем у нашего судна. Но и он вынужден работать в таком льду «смычком»: вперед—назад, вперед—назад, продвигаясь иногда по одной-две мили за вахту, а они меняются через каждые четыре часа. Мороз около тридцати градусов. Над каналом медленно поднимается пар, который тут же превращается в туман, ухудшая горизонтальную видимость. Из-за сильного сжатия льдины в канале быстро сходятся, и «Владимир Арсеньев» идет с большим трудом. Все вокруг скрипит, скрежещет, громыхает. Иногда раздаются пушечные удары льда по корпусу судна, с полок в буфете летит посуда, а суп в столовой команды проливается через край, хотя скатерть специально слегка смочена водой, чтобы тарелки не скользили. Трудно читать, писать, спать... Моряку нужны железные нервы, особенно на ледоколах, которые плавают на трассе Северного Морского пути по полгода и больше.

Сейчас у нас только и разговоров, что о серых китах, на помощь которым мы спешим. Самой популярной стала небольшая увлекательная книга Э. Корр и У. Эванса «Кит в океанариуме», рассказывающая о сером китенке Гиги, выросшем под присмотром людей и затем выпущенном на волю.

Чукотско-калифорнийское стадо этих китов в 40-х годах нашего века было на грани исчезновения. Китобойная флотилия «Алеут» в удачные годы добывала до десяти тысяч китов за сезон.

И вот от популяции осталось лишь несколько сот животных-гигантов. Запрет на промысел и включение в Международную Красную книгу спасли этих китов, которых в настоящее время снова насчитывается около шестнадцати тысяч.

Серый кит относится к подотряду усатых китов. С его верхней челюсти свисают бахромчатые роговые пластины, через которые он процеживает воду, оставляя в желудке большое количество калорийной пищи— мельчайших животных и растительных организмов-зоо-и фитопланктон. Длина взрослого кита — около 12 метров, а масса достигает 35 тонн. Спинной плавник отсутствует. На вершине головы находятся два дыхательных отверстия, а позади глаз расположены небольшие ушные отверстия. Общая окраска тела серо-бурая с множеством светлых пятен диаметром до 10 сантиметров. Основная масса серых китов летом обычно нагуливает жир в восточной Арктике вблизи берегов Чукотки и Аляски, а с приближением полярной зимы уплывает в теплые заливы Калифорнии.

Сотни тысяч жителей западного побережья Америки ежегодно с восторгом наблюдают величественное зрелище массового заплыва китов. Эта длинная торжественная процессия получила название «парад Моби Дика», благодаря знаменитой книге Г. Мелвилла, героем которой был белый кит по кличке Моби Дик. Люди толпятся на берегу, выходят в море на небольших судах и резиновых клиперботах, поднимаются в воздух на самолетах, вертолетах и даже на воздушных шарах, причем, часто целыми семьями. Вооруженные фотокамерами и сложной аппаратурой научные работники и вездесущие корреспонденты телевидения неотступно следуют за стадом почти с тем же рвением, с каким это делали некогда китобои-гарпунеры. Многочасовой «парад Моби Дика» по телевидению смотрит вся страна. Поэтому понятен интерес американцев и к этим серым калифорнийским китам, попавшим в ледовую ловушку у мыса Барроу.

С рассвета 26 октября над нами непрерывно летают и показывают дорогу небольшой самолет и два вертолета береговой охраны США. Около полудня в бинокль можно было рассмотреть проблесковые огни маяка, светлые сферические антенны научной обсерватории мыса Барроу и ярко освещенную полосу аэродрома. Затем уже простым глазом видим вдали на ровном льду большое скопление людей. Там, в прямоугольных отдушинах, выпиленных местными жителями-эскимосами, время от времени появляются темные предметы, а над ними поднимается облачко пара. Это несчастные киты, за жизнь которых люди борются уже более двух недель.

От китов нас отделяет гряда всторошенного пакового льда шириной два-три кабельтова, далее идет легко преодолимый ровный молодой припай толщиной до 40 сантиметров. Но какая там глубина! На вертолете американцы привезли крупномасштабные навигационные карты. Ясно, что ледоколу «Адмирал Макаров» с его 11-метровой осадкой далеко не пройти. Принято единственно правильное решение: учитывая благоприятный прогноз, преодолеть гряду тяжелых льдов с востока сразу с двух сторон обоими судами, с расчетом выколоть в ледовом барьере полосу шириной до полумили, которую потом ветром должно вынести на чистую воду. Конечно, есть риск повредить лопасти винта, но работать осторожно можно. Тем более, что американцы сообщают о наличии в этом районе мягкого грунта.

Поздно вечером первая часть задачи выполнена. Работая в форсированном режиме, «Владимир Арсеньев» первым преодолел ледовый барьер и пробился на молодой лед. Стоящие в это время на борту ледокола «Адмирал Макаров» американцы бурно аплодировали удачному маневру дизель-электрохода. Теперь нужно предельно облегчиться, чтобы обычная осадка судна 7,5 метра уменьшилась как минимум на два метра. Эта работа выполняется под руководством корабельного «деда» Александра Литвиненко. По мере повышения уровня ватерлинии начали взламывать молодой лед, так что ночью прошли вдоль берега, не дойдя до майны с китами около четырех кабельтовых.

Утром 27 октября к борту «Владимира Арсеньева» на мотосанях и снегоходах самых разнообразных типов и автомобильных вездеходах-малютках подъехало полтора десятка эскимосов, в том числе несколько женщин. К одно нарте на древке прикреплен советский флаг. Все одеты в яркую разноцветную национальную одежду-парки, ворот которых оторочен пушистым мехом россомахи. Гости что-то говорят, улыбаются, поднимают вверх большой палец—хорошо! Бросают через высокий борт мелкие предметы, сувениры. Наши тоже бросают на лед какие-то подарки, значки, и монеты на память. Все очень довольны. Потом прилетел вертолетик, из него выбежал американец в развевающихся одеждах (видимо,

начальник) и всех разогнал. Эскимосы лихо оседлали свою роскошную мини-технику и со свистом укатили.

Через некоторое время судно малым ходом пошло по вчерашнему каналу до свежих, этой ночью вырезанных прямоугольных майн размером две на пять метров, из которых периодически появляются серые в крапинку большие головы китов с умными и печальными глазами. Время от времени, но чаще, чем в предыдущие дни, из их дыхал выбрасываются струи горячего пара. Иногда выныривают одновременно два кита, которым американцы дали клички Кроссбик и Боннет. Говорят, что был третий кит, поменьше, но, видимо, он погиб. Оставшиеся два кита уже давно голодают. Местные жители ласково гладят их по головам, что-то приговаривая. Возможно, киты чувствуют, что люди стремятся им помочь, и совсем не боятся.

Под форштевнем шуршит легко взламываемый лед, а за кормой в канале бурлит взбаламученная буро-зеленая вода. До майны осталось двадцать пять метров. Мы совсем близко наблюдаем этих несчастных гигантских животных. Чтобы не пугать китов, судно дает малый задний ход. Долгие минуты напряженной тишины. Поймут ли нас киты!

И вот возглас облегчения:

— Киты в канале!

Тут же в эфир полетело, радостное сообщение. Благодаря помощи русских кораблей киты наконец-то обрели свободу! Вечером американское телевидение уже показывало фрагмент этой гуманной акции. Президент Р. Рейган выступил по радио со словами благодарности в адрес участников уникальной спасательной операции.

Но... Киты дальше не пошли. Двигаться по каналу им мешала быстро замерзающая каша льда. Мороз достиг двадцати пяти градусов. На головах измученных животных появились кровавые ссадины и раны. Они все чаще и продолжительнее высовываются из воды, со свистом и хрипом дышат. Видно, что силы их на пределе.

Еще одна ночь томительного ожидания. Эскимосы пилят и пилят для китов длинные каналы, ловко орудуют баграми, выталкивая большие выпиленные куски на лед. До открытой воды им осталось совсем немного — меньше мили.

Весь день 28 октября оба советских судна, виртуозно работая на предельно малых глубинах, расширяют брешь в ледовом барьере. Руководство и координацию в этой спасательной операции со стороны американцев осуществляют Рон Моррис и Мак-Клэланд-капитан ледокола «Поляр си». После трех дней напряженной работы утром 29 октября выясняется, что наконец-то киты действительно на свободе. Эту приятную новость подтвердили и американские вертолетчики, видевшие сверху цепочку совсем свежих проломанных лунок в только что замерзшем льду в направлении на юго-восток. Конечно, это Кроссбик и Боннет!

На ледокол «Адмирал Макаров» прибыла большая делегация американских представителей, которую возглавил мэр округа Барроу эскимос Джордж Амаогак с супругой. Речь идет о только что благополучно закончившейся операции по спасению серых калифорнийских китов и о спасении большого стада белух в 1984 году у берегов Советского Союза*, о серьезных проблемах экологии Арктики, о начале добрых контактов между жителями Чукотки и Аляски, почин которых еще десяток

*) Непосредственным инициатором и участником спасения более 1000 белух в Синявинском заливе недалеко от эскимоского селения Янрыкинот зимой 1984 г. был начальник Провиденской гидробазы Юрий Бабаев, который сам мне об этом рассказывал.

лет назад сделал мой друг, чукотский писатель Юрий Рытхэу, регулярно бывающий на Аляске с 1978 года.

В торжественной обстановке нашим экипажам вручаются послания президента США Рональда Рейгана и губернатора штата Аляска Стива Купера. Американцы привезли с собой множество коробок с подарками для советских моряков. На столах в кают-компании целые кипы свежих американских газет и журналов с массой фотоснимков китов и советских кораблей. Из прессы мы узнали, что журналисты еще до того, как мы подошли к мысу Барроу, спорили: может ли русский ледокол разрушить мощный ледовый барьер? Надо ли спасать китов и во что это обойдется?

Многие американские дети прислали на имя М. С. Горбачева письма со словами искренней благодарности советским людям за помощь в спасении серых калифорнийских китов. Трудно без волнения читать немудреные, но искренние выражения детской признательности и любви к советским людям. «Вы — прекрасный народ!», «Спасибо за храбрость!», «Если вам что-нибудь потребуется, дайте знать...», «Я уверен, что если бы эти киты смогли писать, то они тоже прислали бы вам письмо благодарности...»

У этой истории есть продолжение. Тимоти Дагген из города Лейк-Цюрих, что в штате Иллинойс, и скульптор-умелец Джерри Фейбер из Северной Миннесоты решили соорудить памятник об этом событии — скульптору китов из дерева. В интервью корреспондентам Дагген сказал: «Мы считаем, что американцы абсолютно не испытывают ненависти к советским людям. Те, возможно, просто этого не знают. Вот мы и хотим заявить об этом». А Фейбер продолжил: «Мир с чего-то должен начаться! Для меня эти киты символизируют общее дело, дело людей, которые объединяются независимо от политических разногласий. Как хорошо, когда у тебя на уме мир, а в сердце—друзья. Это чудесное чувство!» Когда в округе стало известно о проекте, энтузиазму жителей не было предела. Все устремились на поиски подходящего дерева. Наконец, на территории резервации индейцев чиппева был найден 300-летний вяз высотой около 25 метров. После тщательной обработки ствола вяза была создана скульптурная группа китов четырех с лишним метров высотой, которая будет установлена во Владивостоке — порту приписки обоих знаменитых судов.

Вспоминаются наши встречи с известным ученым, французским океанологом, профессором Жаком-Ивом Кусто на станции Беллинсгаузен в 1973 году и его высказывание о китах:

— Стоит поближе познакомиться с ними, проникнуться восхищением и наладить систематическое наблюдение, как убеждаешься, что им грозит гибель. Пожалуй, нам на «Калипсо» это особенно ясно, и мы реагируем острее других. Мы видели глаз кита. Мы любовались нежным дыхалом полосатика и белыми ластами горбача. И мы стали защитниками китов. Стоит изучать их удивительную способность к погружению на большую глубину, умение подолгу задерживать дыхание. Из объекта охоты человека кит должен стать его учителем и проводником в исследовании подводного мира, который только-только начинает открываться для людей.

Вылетев домой, в Певек, на вертолете МИ-8 прямо с борта «Владимира Арсеньева» от берегов Аляски, мы подсели на заправку на мысе Шмидта, где в бюро погоды нам сообщили, что вдоль Чукотского побережья от мыса Биллингс до Уэлена затерло льдами на мелководье пять серых калифорнийских китов. Помочь им было невозможно, и все они погибли. К этому трудно что-нибудь добавить...

В. Назаров.

ВЛАДЫКИ... НА ПОМОЙКЕ

Медведь — хозяин тайги — все чаще превращается в объект дрессировки, живую мишень.

... На исходе коротких июньских ночей, под светом румяной зари в щедро наполненном запахами разнотравья лесу свершилась медвежья свадьба. Была эта пора любви недолга, как цветение мака, как полет поденки. Скоро медведь и медведица разошлись в разные стороны, забыв друг о друге. Лакомились, пока лето, медом, добывая его из диких ульев, вырывали из земли сладкие корневища, поедали насекомых, ягоды, ловили рыбу на обмелевших лесных речках. Только раз пришлось им встретиться в малиннике. Медведь рявкнул, недовольно взглянув на подругу, и отвернулся.

Пришла осень, а затем и холодная зима. Медведица спала чутким сном в своей берлоге, которую устроила на заросшем чахлым сосняком острове посреди большого мохового болота. Однажды в феврале, когда дули пронзительные ветры, в животе медведицы толкнулись живые теплые комочки. Под завывание вьюги она родила двух маленьких, едва покрытых шерстью и слепых медвежат. Вылизывая и лаская во сне детенышей, медведица тревожно прислушивалась к далекому гулу. Он стал беспокоить ее еще в начале зимы, с тех пор все приближался и приближался. Однажды металлический лязг и рев моторов настолько приблизился, что заставил медведицу покинуть берлогу. Утопая в талом мартовском снегу, она стала искать место, где бы спасти медвежат. Вернувшись через день к берлоге, зверь фыркнул от резких и неприятных запахов. Снег вокруг покинутого медведицей логова был примят, пахло человеческим потом и еще чем-то ужасным...

Один из строителей газопровода подарил доставшегося ему медвежонка своему знакомому. Так в семье лесничего Петра Кузьмича Новоселова прибавилось хлопот. Сначала медвежонка поселили в доме. Но когда стало тепло, ему устроили перегородку на дворе. Здесь он и жил в обществе дворняжки Тузика. У лесничего росли сын и дочь, ребята толковые, понимающие природу. В летние каникулы они целыми днями пропадали с медвежонком Мишкой и собакой Тузиком в лесу. Смешные это были животные, они по-своему любили друг друга. Тузик позадиристей был, прыгнет на медвежонка, повалит в траву, визжит тоненьким голоском. Потом поменяются ролями: Тузик снизу отбивается лапами. А надоест медвежонку по земле бегать, он на дерево взберется и оттуда с превосходством взирает на Тузика: «Мол, попробуй достань!» Ну, а Тузик только лает, не может он по деревьям лазить!

Однажды в зарослях дягиля, срывая верхушки растений, медвежонок загрустил. Жалобно так, с тоской смотрел на зеленую чащу леса. Какой-то инстинкт

напомнил ему, что настоящая жизнь у него должна быть другая. А Тоня, дочь лесничего, возьми да спроси тут:

— Мишка, а где твоя мама?

Посмотрел на нее медвежонок и даже заскулил от обиды и печали. Плохо быть маленькому без мамы, очень плохо. Этого, видно, не знали люди, разорившие берлогу. Ведь и специальный закон есть, который запрещает человеку брать диких животных домой. Потому что звери должны быть зверями, настоящими, с самого раннего детства.

* * *

Эту бесхитростную газетную заметку я написал несколько лет назад. Ее опубликовали в местной прессе. Были у меня и другие статьи на подобные темы, свои и чужие. Папка с материалами о взаимоотношениях человека с дикими зверями пополняется. В ней много публикаций о «хозяине тайги» и его беззащитных детенышах. Вот одна из них под заголовком «Уникум».

«Буровая бригада мастера А. В. Слюнина из Нефтеюганского УБР-1 — коллектив, известный своими трудовыми успехами. А в этом году (речь идет о 1985-м — В. Н.) к своей рабочей славе буровики добавили и славу «дрессировщиков». С начала лета появились на 67-м кусте Южного Сургута, где работает бригада, два медвежонка. Один обычный, бурый. А второй — белый. Но не полярный, а альбинос бурой породы.

Буровики приручили медвежат: сейчас они не боятся людей, любят конфеты, которые не стесняются брать прямо из рук. И уже приходят на буровую «по расписанию» — на завтрак, обед и ужин.

Мы позвонили директору Новосибирского зоопарка.

— Бурый медведь — альбинос — явление, безусловно, уникальное, — сказал он. — А в зоопарках страны их, насколько я знаю, почти нет. Поэтому мы с удовольствием возьмем ваших буровиков к себе».

Увы, пока собирался представитель зоопарка на север, медвежата... исчезли. Никто не знает — куда. По словам буровиков, их убили браконьеры. Я не знаю, но почти уверен: свои, местные. Те же нефтяники или строители. Ведь и мамаша-медведица, родившая «уникума», тоже наверняка попала на мушку карабина любителя шкур и медвежьего жира. Такие случаи сплошь и рядом...

Автор умильной заметки А. Огнев не выражает по этому поводу никаких эмоций, он глух и слеп в отношении столь нещадно истребляемых в нашем округе медведей. Это — нравственная и экологическая слепота. Достаточно ли журналисту было написать что такая «дружба» неминуемо приведет к беде? Думаю, нет. Буровики бы продолжали исправно три раза в день потчевать зверей, полагая, что спасают их от голода и неминуемой гибели. Такова психология людей. Переломить ее трудно.

Работники Березовской нефтегазоразведочной экспедиции, что на севере округа, рассказывали мне о молодом медведе, выросшем буквально возле вагончика буровиков. В годовалом возрасте зверь стал проявлять агрессивность, рявкал и ударял когтистой лапой своих благодетелей, если те не давали ему «сгущенки». Пришлось делать для него прочную клетку и вывозить вертолетом в тайгу.

Здесь же произошел другой примечательный случай. Жил в бригаде нефтегазоразведчиков маленький Мишка, повариха в нем души не чаяла. Научился проказник лапой дверную ручку нажимать и беспрепятственно входил в столовую. Замок перевернули, теперь дверь открывалась при нажатии ручки вверх. Этого медвежонок сообразить не мог и подолгу сидел у дверей, скулил и рявкал в ожидании подачки. А когда повариха шла в лес за грибами и ягодами, медвежонок, смешно ковыляя, послушно плелся за ней. Любил он кислосладкую подмороженную клюкву.

Так бы, наверное, и зиму прокормился, столуясь в бригаде. Но случилось невероятное. В самое предзимье вдруг стал медвежонок один подолгу отлучаться в лес. Проследив за его мар-

шрутом, буровики ахнули: в лесной чаще звереныш нашел большой выворотень, нагреб сюда огромную кучу листьев и хвороста. Устраивал себе берлогу. И однажды не пришел ни на обед, ни на ужин: он забрался в свое теплое логово до весны.

Зимой бригада переехала на другую точку, напоследок видели буровики, что из чела берлоги вроде струился теплый парок. Подходить близко не стали, чтобы не спугнуть косолапого.

Инстинкт дикого зверя оказался сильнее привязанности к людям. Но такое бывает редко.

Вот еще одна заметка. Речь в ней идет о том, что взрослый медведь повадился на помойку, куда бросали пищевые отходы буровики бригады мастера Н. Я. Тарасова из Нефтеюганского управления буровых работ № 2. Автор статьи Г. Арапов не только наблюдал самолично за визитом лесного гостя, но и сфотографировал его при помощи лампвспышек. Владыка на... помойке! На снимке бугристая темная туша, огоньками сверкают глаза. Медведь уткнулся носом в кучку отходов и с жадностью пожирает их. При вспышке осветителя зверь отпрянул, покосился на незнакомый предмет и продолжал трапезу. Вышедшие из вагончиков люди спугнули его. «Во второй раз, — пишет Г. Арапов, — медведь появился в начале двенадцатого ночи. До этого он, очевидно, бродил где-то неподалеку. Потом долго стоял под раскидистой елью, хрустел валежником, изредка выставлял лобастую голову из-за дерева и изучающим взглядом осматривал площадку... Вдруг из вагончика, где находились геофизики, в медведя стали швырять палками. Первая упала вблизи его морды. Он удивленно взглянул на тех, кто посмел его потревожить. А мне подумалось: жаль, что он безмолвлен, а то бы наверняка достойно ответил двуногим нахалам».

Правда, в ответ на вторую и третью выходки со стороны обидчиков медведь сердито зафыркал, ударил передними лапами по земле. И вскоре ушел в лес.

Наведывался зверь на помойку еще раз, даже после того, как буровики переехали на другой куст. Убить его даже малоопытному браконьеру не составило бы труда. Наверное, вскорости так и вышло.

* * *

Мне часто снится одни тот же сон, эпизод из детства. Мы с отцом, переночевав в старом шалаше, идем на дальнее болото за клюквой. Моховые кочки сплошь усыпаны бордово-красной ягодой, пылающей в осеннем холодном воздухе.

— Жаровика, — говорит отец, — ишь как горит...

И тут из-за валежины выходит огромная медведица, кормившаяся ягодой на болоте. Рядом — два пестуна. Звери, спокойно взглянув на нас, остолбеневших от страха, удаляются по тропе к лесной гриве. В их осанке, движениях — спокойная горделивость...

...Из сообщения печати: «Сотрудники Ташкентского зоопарка недавно съели ручную бурую медведицу Машку. Она была конфискована на базаре у цыгана сотрудниками Госкомприроды Узбекистана и передана зоопарку. «А здесь своих мишек хватает, — сказал корреспонденту «Интерфакса» исполняющий обязанности заведующего отделом хищников зоопарка Махмадали Аскаров, который лично распределял мясо».

Звереем, люди!..

●●●●

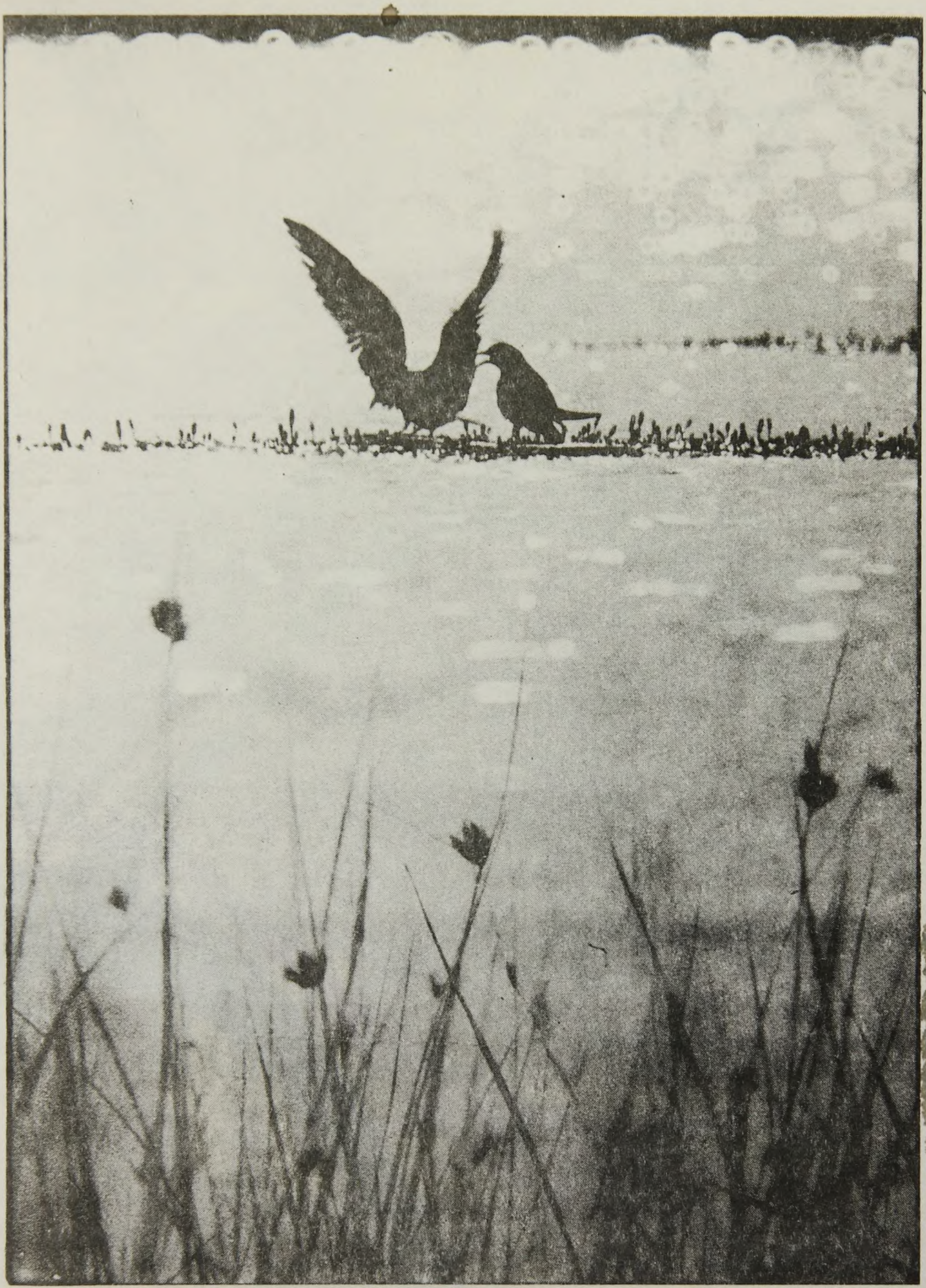


фото Л. Березницкого.

